

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.И. Моравский, Н.В. Моравский
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2006

УДК 947.084.3(571)

ББК 63.3(2)712

М44

Редакционный совет серии «Сибирский архив»:
*А.П. Казаркин, Г.И. Колосова, Н.В. Моравский (США),
Н.В. Серебренников (председатель), А.Т. Топчий*

Редактор *Н.В. Серебренников*

Моравский В.И., Моравский Н.В.

М44 Из воспоминаний. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. —
106 с. (Прил. к серии «Сибирский архив»).

ISBN 5-7511-2000-5

Первопубликация автобиографических очерков В.И. Моравского, политика и экономиста, находившегося в гуще революционных событий 1917 года, гражданской войны в Сибири и эмигрантской деятельности на Дальнем Востоке. Издание осуществлено по архивным материалам Гуверовского института (США).

Очерк Н.В. Моравского включает в себя воспоминания об отце и обзор его деятельности до эмиграции.

УДК 947.084.3(571)

ББК 63.3(2)712

ISBN 5-7511-2000-5

© Томский государственный университет, 2006

© Н.В. Моравский. Составление, публикация, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
<i>В.И. Моравский.</i> Валериан Иванович Моравский	5
<i>В.И. Моравский.</i> 1917 год. 1918 год	7
1917 год	7
1918 год	10
<i>В.И. Моравский.</i> Из личных воспоминаний. <i>Пер. с англ. Н.В. Моравского</i> 15	
В Ново-Николаевске (1918)	15
Генерал Д.Л. Хорват	18
Проект об образовании Всероссийского правительства, 1918	28
Переговоры с господином О'Райлли, верховным комиссаром Великобритании в Сибири (1919)	30
Генерал Грейвс	32
Генерал Араки	35
Мицуру Тояма. «Национальный вождь Японии»	38
Генерал Кудо, начальник дворцовой охраны «Верховного правителя Маньчжоу-го» (в прошлом «господина Пу И», ныне «императора Кандэ»). 1933	41
<i>В.И. Моравский.</i> Совет уполномоченных организаций автономной Сибири (СОУАС). <i>Пер. с англ. Н.В. Моравского</i>	44
<i>Н.В. Моравский.</i> Мой отец Валериан	47
Указатель имен	100

От редакции

Нами публикуются автобиографические очерки экономиста и публициста Валериана Ивановича Моравского (1884—1942), управляющего делами Временного сибирского областного совета (декабрь 1917 — январь 1918), госсекретаря (январь — июнь 1918) и министра продовольствия и снабжения, путей сообщения, почт и телеграфов, председателя комитета экономики и финансов во Временном правительстве автономной Сибири (июнь — сентябрь 1918), затем — члена Всесибирского союза земств и городов, а в октябре 1922 года — госсекретаря и министра финансов, торговли и промышленности в правительстве, сформированном Советом уполномоченных организаций автономной Сибири. Этот перечень хоть и выборочен, но свидетельствует, сколь зыбкими в Сибири были основания для построения демократического общества — в начале 1918 года из-за узурпации власти большевиками, успешно свергнутыми местным подпольным правительством в мае — июле, а в конце 1918-го — 1919-м из-за колчаковской диктатуры, давшей большевикам возможность вернуться как народным освободителям.

Научные заслуги, талант флотоводца и личное благородство Колчака неоспоримы, как несомненна и его политическая слепота, явная подчас даже его ближайшему окружению. Он прервал легитимную передачу власти (от Временного правительства автономной Сибири к Всероссийской директории и будущему Всероссийскому учредительному собранию) и объявил себя Верховным правителем России, отказался от чёткого расчёта Маннергейма в обмен на признание независимости Финляндии двинуть 100-тысячное войско на прорыв слабой обороны Петрограда, не желал понимать областников, не умел сдерживать «атаманщину» и произвольные действия высшего офицерства, отклонил решение насущного земельного вопроса и ввёл карательные экспедиции по усмирению крестьянских волнений. Всё это привело к угасанию надежд на сильную руку и к попыткам противодействовать колчаковскому режиму, однако знатоки сибирской жизни уже не могли что-либо радикально изменить...

Отсутствие объективных критериев обычно заставляет потомков метаться в оценках — например, от отказа реабилитировать Колчака до установки ему памятника, — а современный адмиралу сибирский мужик, не разумеющий о федеральных, областнических или земских принципах управления, быстро вник, что настоящего житья не будет ни при коммунистах, ни при Колчаке, и с равной ненавистью бил большевиков и колчаковцев. Незнание истории не освобождает от ответственности, и воспоминания честного очевидца, безусловно, ценнее исследовательских рассуждений — особенно если он оказался одним из тех, кто творил нашу с вами историю.

Чрезвычайно примечательны очерки В.И. Моравского и о зарубежных военных и политических деятелях: объективность данных им характеристик, очевидная по заметкам о национальном вожде Японии Тояме, кажется несомненной.

Редакция сердечно благодарит Гуверовский институт войны, революции и мира (США) за предоставление уникальных материалов, перепечатка которых непозволительна без разрешения публикатора или архивохранилища.

В.И. Моравский

ВАЛЕРИАН ИВАНОВИЧ МОРАВСКИЙ

С 1905 года сотрудничал в газетах: «Сотрудник», «Русь», «Речь», «Русские Ведомости», «Киевская Мысль» и журналах: «Современник», «Современные Записки» [1], «<...>» [2] Слово», «Сибирские Вопросы», в ежегоднике газеты «Речь» и др.

В 1906 году был избран выборщиком по городу Петрограду в Государственную Думу.

В 1912 году принял участие в Экономическом исследовании района Южно-Сибирской ж. дороги, позже — района линии Оренбург-Царицинской ж.д., эти его работы были напечатаны в специальных сборниках, посвящённых экономическому обзору указанных районов.

В 1915 году был командирован на Мурманскую ж. дорогу.

В 1916 году был зачислен в Министерство Земледелия.

В 1917 году был переведён в Министерство Продовольствия. В том же году был избран Членом Комитета Служащих Министерства Продовольствия, а потом Председателем его. В ноябре того же года был командирован Министерством Продовольствия в Сибирь с чрезвычайными полномочиями.

В 1917 году вошёл членом в инициативную группу Сибиряков-областников, затем в Союз их. В декабре того же года Сибирским Областным Советом был приглашён в качестве Управляющего делами.

В 1918 году Сибирской Областной Думой был выбран Членом Сибирского Правительства. В том же году, по поручению Сибирской Областной Думы и Сибирского Правительства, вёл подготовку к свержению большевиков. После свержения большевиков заведовал Министерствами: Продовольствия и Снабжения, Путей Сообщения, Почт и Телеграфов. Состоял Председателем Экономического Комитета.

В 1918 году, оставив Министерство, был командирован Всесибирским Союзом Земств и Городов на Дальний Восток в качестве Представителя Союза, после чего состоял Членом Дальне-Восточного Отдела Союза и заведовал Отделом Снабжения.

В 1919 году состоял членом «Комитета по созыву Сибирского Собора».

В 1920 году был избран членом «Комитета по борьбе с большевиками». В том же году издавал и редактировал газету «Вечер».

В 1921 году, по поручению Сибирских Организаций, вошёл в состав Совета Уполномоченных Организаций Автономной Сибири.

В 1922 году Советом Уполномоченных Организаций был командирован в Китай в качестве Представителя Совета. В конце того же года вошёл в состав Сибирского Правительства. После эвакуации Приморья остался в Китае, где ведёт работу по поручению Совета Уполномоченных до сего времени.

В 1925 году принял на себя председательствование в Совете Уполномоченных Организаций Автономной Сибири [3].

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые опубликовано: Сибирский текст в русской культуре. Томск: Сибирика, 2002. С. 244–245. Публ. Н.В. Моравского. Машинопись: Hoover Institution Archives (Stanford, California, USA). Valerian Ivanovich Moravskii Collection. Outcard Number 5116-8 (ксерокопия: Отдел редких книг и рукописей Науч. б-ки Том. гос. ун-та). Особенности подлинника сохранены.

1. Описка. Следует: «Современный мир». См.: Моравский В.И. Автобиография // Вестник Том. гос. ун-та. 2003. Март. № 276. С. 185.

2. Дефект машинописи.

3. Неточность. В 1925 году Моравский стал заместителем председателя Совета, а его председателем — в 1927-м. По 9 марта 1927 года, день смерти, председателем был А.В. Сазонов. — *Ред.*

В.И. Моравский

1917 ГОД. 1918 ГОД

1917 год

1917 год.

Я не помню, кто именно, но кто-то из комиссаров Государственной Думы сказал: «Самым страшным для нас вопросом является вопрос о том, как отнесутся к перевороту, к нам, служащие (чиновники) центральных учреждений. Удастся ли нам овладеть аппаратом государственного управления?»

И действительно, отношение чиновного Петрограда к революции могло сыграть решительную роль. Если бы Временное Правительство встретило решительную оппозицию в лице центральных учреждений Петрограда, положение Временного Правительства стало бы критическим в первые же дни революции. Временное Правительство не в состоянии было бы овладеть аппаратом.

Петроградские чиновники приняли революцию и, в большинстве, с большим, чем до революции, подъёмом повели работу центральных учреждений империи.

В конце февраля 1917 года, в годовщину газеты «Речь», на традиционном обеде, П.Н. Милюков, прибывший с большим опозданием, сообщая о положении в Петрограде, между прочим сказал: «Движение вышло из рук Департамента Полиции и развивается своими путями... На заводах, несомненно, работают и агенты Германии...»

А.И. Шингарёв на обед не приехал. Как передали, А.И. Шингарёв, как представитель в Государственной Думе от Петрограда, не считал удобным принять участие в обеде в том время, как население Петрограда испытывало острую нужду в продовольствии.

На том же обеде К.И. Чуковский читал только что им написанную первую часть рассказа «Крокодил».

1917 год.

Полковник Перетц, бывший военный обозреватель «Речи», а затем комендант Таврического Дворца, при посещении мной Таврического Дворца 28 февраля на мой вопрос, чем Вы располагаете, ответил:

— Пожалуйте, я покажу Вам наши силы.

Полковник Перетц провёл меня в одно из помещений Таврического Дворца, где собралось человек 120—150 военных.

— Это все?

— Все...

Настроение тем не менее у полковника было отличное и уверенное.

1917 год.

Через несколько дней после октябрьского переворота к нам в отдел снабжения сельскохозяйственным инвентарем и металлом (Министерство Продовольствия), помещавшимся на Фонтанке, явился советский комиссар (фамилии не помню) в сопровождении вооружённых винтовками красноармейцев и потребовал сдачи ему дел.

Я заявил комиссару, что никаких советских комиссаров мы не признаём и сдавать им дела не будем.

Меня энергично поддержали все служащие отдела, собравшиеся у дверей моего кабинета.

Комиссар, под угрозой применения вооружённой силы, потребовал, чтобы я и все служащие отдела покинули помещение, и наблюдал за тем, чтобы дела отдела не были нами унесены.

В тот же вечер служащие нашего отдела произвели выемку дел и весь архив перенесли в главное здание Министерства Продовольствия, в Аничков дворец. Отдел продолжал работать.

1917 год.

Министр Продовольствия Прокопович — скрылся; некоторое время его замещал товарищ министра, Башкиров. Вскоре, однако, и Башкиров вынужден был уехать. Товарищ министра Кондратьев выехал в Москву, кажется, на собравшийся в Москве Продовольственный Съезд. Фактически министерство управлялось «Комитетом служащих Министерства Продовольствия», председателем коего состоял вначале барон Остен-Сакен, а затем был избран я.

Не помню точно какого числа, большевики повели наступление и на Главное здание Министерства Продовольствия — Аничков дворец (вероятно, это было в первой половине ноября) и мы вынуждены были покинуть Министерство. Однако Комитет не свернул своей работы. По приказу Комитета все служащие Министерства бросили работу. Из тысячи с лишним человек осталось для работы с большевиками только пять человек. Комитет работал в подполье. Заседания Комитета происходили регулярно. Связь со служащими Министерства поддерживалась Комитетом тесная. Комитет располагал средствами и имел возможность поддерживать служащих и материально.

Поддерживал Комитет связь и с учреждениями и организациями Министерства продовольствия на местах. Одновременно Комитет вошёл в связь с организациями служащих других министерств и энергично поддерживал план всеобщей забастовки служащих всех государственных учреждений. В это время различными организациями выдвигались разные проекты ликвидации советской власти и Комитет готовился к тому, чтобы в случае перехода к активной борьбе той или иной организации против большевиков быть в состоянии оказать ей посильное содействие, а главное — сохранить продовольственный аппарат для того, чтобы он сумел в нужный момент развернуть работу и восстановить продовольственное положение в стране.

Тесную связь поддерживал Комитет с членами Учредительного Собрании, особенно с крестьянской фракцией.

В средних числах ноября в Петроград прибыла избранная Продовольственным Съездом в Москве «Продовольственная Десятка», которой Съезд поручил взять на себя руководство продовольственным делом в стране. После совместного обсуждения вопроса с избранной Съездом десяткой Комитет решил приступить немедленно к работе и разослал всем служащим Министерства предложение двадцатого ноября явиться в Министерство и приступить к работе.

20-го ноября все служащие Министерства Продовольствия, за исключением нескольких человек, прибыли в Аничков дворец, заняли свои места и приступили к работе.

Советский комиссар продовольствия и несколько человек его служащих спешно покинули Министерство. Комитет и продовольственная десятка расположились в кабинете (быв. кабинет Александра III) и приступили к работе. Машина заработала полным ходом. Многие отделы успели передать распоряжения (по телеграфу) на места.

Вскоре, однако, отряд латышских солдат расположился во дворе Аничкова дворца. Тем не менее работа продолжалась, служащие сохранили полное самообладание. Особенно нужно отметить спокойную

и энергичную работу служащих Министерства — женщин, которым появление во дворе вооружённых латышей придало только больше уверенности и энергии.

Час или полтора спустя к подъезду Аничкова дворца подкатило несколько автомобилей с вооружёнными красноармейцами во главе с Феликсом Дзержинским.

Расставив часовых и караулы, Дзержинский направился к кабинету, занимаемому Комитетом и продовольственной десяткой и, с револьвером в руке, с криком «руки вверх», в сопровождении десятка вооружённых винтовками красноармейцев, ворвался в кабинет.

— Именем Совета Народных Комиссаров Вы арестованы... — провозгласил Дзержинский.

Никто, конечно, не предполагал оказывать Дзержинскому вооружённого сопротивления, но никто не поднял и рук. Кто-то из продовольственной десятки, кажется, Громов, вступил в пререкания с Дзержинским и потребовал ордера об аресте. Я не помню уже, был ли Дзержинским предъявлен ордер, но мы были арестованы.

Любопытный диалог произошёл при этом между одним из членов Учредительного Собрания, товарищем министра продовольствия Кондратьевым и Феликсом Дзержинским:

— Я член Учредительного Собрания, и ни арестовывать, ни обыскивать меня Вы не имеете права.

— Ха, ха... — расхохотался Дзержинский и, обратившись к одному из своих подручных, приказал: — Общитите его.

— Я протестую. Прошу записать в протокол...

— О, в протокол можно; в протокол — сделайте одолжение... — смеялся Дзержинский.

И нас, президиум Комитета и членов продовольственной десятки, рассадили в автомобили и отправили под конвоем в Смольный.

1918 год

1918 год.

Январь.

После совещания все разъехались. Я, как было решено, в сопровождении Завинского, поехал в штаб томской военной группы.

В небольшой комнате, кроме штабных, собралось человек двадцать офицеров. В большинстве это были ещё совсем молодые офицеры в чине подпоручика и поручика, редко штабс-капитана и капитана. И только один из них был в чине подполковника (Вишневский).

Как я потом убедился, в составе наших военных организаций были исключительно младшие офицеры. Полковники и генералы участия в черновой работе военных организаций в Сибири не принимали.

Тем энергичнее потом, когда произошёл переворот и была свергнута в Сибири власть большевиков, высшие чины армии требовали предоставления им командных постов.

Живо помню впечатление, которое оставило у меня первое знакомство с первой военной группой наших нелегальных организаций.

1918 год.

В середине января 1918 года ко мне в гостиницу «Европа» (Томск) прибыл полковник французской службы Пишон.

Осторожный и сдержанный, полковник Пишон живо интересовался положением наших дел, но на интересующие нас вопросы о возможной поддержке французским Правительством сибирского движения полковник Пишон давал уклончивые ответы.

— Я полагаю, — сказал полковник Пишон, — что если французское Правительство убедится в реальных возможностях Сибирского правительства — оно окажет необходимую финансовую поддержку...

1918 год. Харбин.

После доклада нашей делегации, о котором я уже писал, и после рассказа полк. Краковецкого мне не хотелось возобновлять знакомства с адмиралом Колчаком.

Тем не менее обстановка складывалась таким образом, что надо было так или иначе решить вопрос о нашем отношении к адмиралу Колчаку. Меня уверяют, что адмирал считает меня самым умеренным в составе Сибирского Правительства и надеется, что ему удастся найти со мной общий язык.

И я решил принять предложение.

1918 год. Харбин.

Советник Российского Посольства в Пекине, г. Граве, прибывший в Харбин по поручению кн. Кудашева, в частной беседе сообщил мне, что посольский корпус в Пекине полагает, что если бы мы (Сибирское правительство) нашли возможным объявить себя Правительством Всероссийским и ввести в состав такого Всероссийского Правительства некоторых лиц, которые были бы нам предложены союзниками, то такому Правительству могла бы быть оказана необходимая поддержка союзниками. Я ответил г. Граве, что Сибирская Областная Дума не уполномочила нас на образование Всероссийского Правительства, и я полагаю, что если бы мы объявили себя Правительством Всероссийским, то лишились бы той реальной базы, на которую мы сейчас опираемся. Поэтому я лично считал бы такое предложение неприемлемым.

— Не найдёте ли Вы возможным поставить этот вопрос на обсуждение Правительства? — спросил меня г. Граве.

— Если я могу рассматривать Ваше предложение как официальное предложение союзников Сибирскому Правительству, то я сочту себя обязанным поставить этот вопрос на обсуждение Правительства, — ответил я.

— К сожалению, — заявил г. Граве, — я имею поручение частным образом выяснить отношение Сибирского Правительства к этому вопросу.

— В таком случае я не могу взять на себя инициативы поставить вопрос на обсуждение Правительства.

Насколько мне известно, г. Граве к другим членам Правительства с этим вопросом не обращался, а некоторые из моих коллег, которым я сообщил о своей беседе с г. Граве, отнеслись к пекинскому проекту отрицательно.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуется впервые. Публ. Н.В. Моравского. Машинопись: No over Institution Archives (Stanford. California. USA). Valerian Ivanovich Moravskii Collection. Outcard Number 5116-8. Коробка 12. Папка 247 (ксерокопия: Отдел редких книг и рукописей Науч. 6-ки Том. гос. ун-та). Особенности подлинника сохранены.

Данные заметки являются частью воспоминаний, публикуемых ниже в обратном пер. с англ. План записок, писавшихся отдельными очерками, таков:

- «1. Первые дни революции в Петрограде. Сообщение П.Н. Милюкова. Революция выскользнула из рук департамента полиции.
2. От Петрограда до Москвы, настроения в Москве. Из Москвы в Петроград.
3. В Государственной Думе. Полковник Перетц. Какими силами располагает Государственная Дума. Настроения.
4. Министерство Земледелия накануне и после переворота. Министерство Продовольствия.
5. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.
6. Инициативная группа Сибиряков-Областников.
7. Выступление на Марининской площади. Настроение в Совете рабочих и солдатских депутатов. Отставка Милюкова. Сообщение Милюкова в редакции газеты «Речь».
8. Октябрьский переворот. Борьба Министерства Продовольствия с Советом Народных Комиссаров.
9. «Переворот» 20 ноября. Аресты в Министерстве Продовольствия. Дзержинский. Постановление Совета Народных Комиссаров с арестованными продовольственниками. Освобождение. Беседа с Дзержинским.
10. Союз Сибиряков-Областников в Петрограде. Сибирский Областной Совет. Беседа с американским послом в Петрограде — Френсисом.
11. От Петрограда до Томска. Настроения в пути.
12. Томск. Сибирский Областной Совет. Подготовка к созыву Сибирской Областной Думы. Полковник Пишон. Аресты членов Сибирской Областной Думы и Сибирского Областного Совета. Конспиративное заседание Сибирской Областной Думы. Избрание Сибирского Правительства.
13. Переговоры с кооперацией. Образование Западно-Сибирского Комиссариата Сибирского Правительства. Западно-Сибирский штаб. Военные организации.
14. От Томска до Читы. Читинский эмиссариат. Неудавшаяся попытка ареста членов Сибирского Правительства. Отъезд из Читы. Встреча с полковником Пишоном. Карымский Совет рабочих и солдатских депутатов. Любезность красноармейцев.
15. Ст. Маньчжурия. Дипломатический агент Эльтеков. Атаман Семёнов и его начальник штаба Нацвалов.
16. Харбин. Харбинская обстановка. Харбинские настроения и политические группы. Генерал Хорват. Переговоры с японцами. Военный агент генерал Никашими и его начальник штаба полковник Араки. Переговоры в Пекине с адмиралом Колчаком. Колчак в Харбине. Связь с территорией. Работа военных организаций. Командировка членов Правительства в Приморье. Подготовка переворота в Приморье. Представитель японского морского ведомства. Отъезд из Харбина во Владивосток через Сеул-Гинзан.
17. Владивосток. Правительство Автономной Сибири. Приморское земство. Выступление «Верховного Правителя» ген. Хорвата. Ликвидация Хорватовской попытки к захвату власти. Переговоры с деловым кабинетом Хорвата. Инженер Стивенс. Инженер Смитт. Связь с Западной Сибирью. Тревожные симптомы. Командировка мини-

стра Новосёлова. Убийство Новосёлова в Омске. Приезд делегации Сибирского Правительства во Владивосток. Переговоры. Отставка членов Правительства Автономной Сибири.

18. Консульский корпус во Владивостоке. Чехи.

19. Поездка из Владивостока в Томск. Сибирская Областная Дума. Настроения. Передача власти Директории. Сопровождения в Томске. Подготовка к новой борьбе за автономию Сибири и за демократическую власть. Первые шаги по организации Совета Уполномоченных.

20. От Томска до Владивостока. Настроения. Переговоры.

21. Сибземгор (Сибирский Союз земств и городов). Концентрация сил вокруг Сибземгора. Комитет содействия созыву Земского Собора. Переговоры. Подготовка к перевороту в Сибири. Роль чехов. Переговоры с генералом Гревсом, послом САСШ, высоким комиссаром Англии, с Мацудайра. Восстание во Владивостоке 19 ноября 1919 г.

22. Земский переворот 1920 года. Переговоры с японцами. Генерал Болдырев. Русско-японская смешанная комиссия для ликвидации осложнений с правыми группировками. Роль японцев. Предложение Сибревкома Сибземгору. Правительство Антонова. Образование Дальне-Восточной Республики. Меркуловский переворот. Демократический Союз. Народное Собрание.

23. Представители союзных держав, переговоры и беседы с ними. Их роль в сибирских событиях.

24. Последние дни белого Приморья. Совет Уполномоченных Организаций Автономной Сибири. Переговоры с атаманом Семёновым. Предложение Москвы Совету Уполномоченных Организаций Автономной Сибири. Переговоры. Сибирское Правительство. Эвакуация.

25. Японские настроения 1923 года. Переговоры. Землетрясение. Работа Совета Уполномоченных Организаций Автономной Сибири в Японии в 1923—1929 годах. Переговоры с японскими политическими, общественными и государственными деятелями. Японский проект сибирско-японского договора. Японские общества содействия сибирскому движению. Генерал Танака, генерал Араки, Премьер Янугай, японские проекты “независимых” государств — Маньчжурии, Монголии, Кореи, Сибири», — а при работе предполагалось использовать «*Материалы*

1) Переписка с разными лицами, группами и организациями, имеющими отношение к Сибирскому движению.

2) Телеграммы.

3) Донесения и доклады нелегальных организаций.

4) Протоколы и документы.

(Материалы относятся к периоду 1918—1929 гг.) // Там же.

В.И. Моравский

ИЗ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Пер. с англ. Н.В. Моравского

В Ново-Николаевске (1918)

Прежде чем отправиться на Восток согласно плану, принятым правительством, я должен был заехать в Ново-Николаевск. Остановка там была крайне необходима, ибо в этом городе сосредоточилось главное управление всей сибирской кооперативной организации, которая должна была стать одной из главных опор в строительстве автономного сибирского государства.

Её широко разбросанная сеть кооперативных единиц (союзов, обществ, лавок, мастерских и т.д.), охватывавших очень большие и важные части сибирского населения и проникавших глубоко во всю экономическую структуру страны, могла обеспечить огромные организационные, политические и финансовые возможности.

Идеологически сибирское кооперативное движение было очень близко сибирскому политическому движению благодаря ярко выраженному демократическому характеру обоих и близким личным отношениям между руководителями двух движений.

И всё же люди, стоявшие во главе кооперативной организации в Сибири, ещё полностью не осознали тогда исключительной серьёзности положения и всего значения общественной реакции на политические события, которая преваляровала среди разных групп населения, включая сами кооперативные круги, и нашла своё выражение в созыве Сибирской областной думы и решениях, принятых последней (Дума проинструктировала избранное ею Правительство автономной Сибири «организовать вооружённую борьбу против коммунистов, узурпаторов власти, очистить от них всю территорию Сибири и установить порядок в стране»).

Это определённое отсутствие политического понимания, проявленное руководителями сибирской кооперации, выразилось, среди прочего, в сравнительно малом представительстве, которое кооперативная организация получила в Сибирской областной думе и сибирском правительстве.

В силу их количества, экономического значения и общественного влияния кооперативные группировки должны были играть значительно более заметную роль в обоих этих органах.

Было, таким образом, необходимо вселить в сознание руководителей кооперации более полное понимание позиции, которую они должны

были бы занять в политических событиях в Сибири, и, таким образом, осуществить более близкое и активное участие кооперативных кругов в сибирском движении.

Кроме того, у правительства, избранного Сибирской областной думой, не только не было достаточных средств для осуществления функций, предписанных Думой, но практически не было никаких денег для хотя бы частичного покрытия расходов по содержанию его членов вместе с несколькими самыми незаменимыми сотрудниками и рядом депутатов Думы из Томска.

Учитывая тот факт, что законодательные и исполнительные органы Сибири вынуждены были скрываться, проблема сбора необходимых средств представляла собой существенные трудности. Но кооперативные организации могли в большой степени облегчить нам эту задачу. Они были уже до этого момента практически единственными финансовыми покровителями сибирского движения, однако объём этого финансирования был недостаточным для нужд движения; не соответствовало оно и финансовым возможностям самих кооперативных учреждений.

Работа правительства, особенно в этот первый период, последовавший сразу же после разгона большевиками Сибирской областной думы, требовала значительных средств, отсутствие которых сказывалось не только на темпе и эффективности этой работы, но и на её качестве. Это привело впоследствии к очень печальным осложнениям, которые в конечном итоге подорвали всё сибирское движение.

Моя задача, таким образом, заключалась в том, чтобы убедить кооперативные центры принять более активное участие в политической работе и побудить их осознать необходимость предоставления наибольшей финансовой помощи сибирскому правительству.

Ново-Николаевск, который в то время являлся важным торговым и кооперативным центром, где деловые сделки в миллионах рублей проводились почти ежедневно, был ничем иным, как большой деревней. Это обстоятельство чрезвычайно затруднило необходимость замести наши (мой и моих помощников) следы и отвлечь внимание большевиков, которые охотились за нами по всей Сибири. Поэтому я должен был сделать моё пребывание в этом городе наиболее кратковременным.

Это вынудило меня сократить переговоры с кооператорами, ограничив их несколькими встречами с главными руководителями — в основном, с теми из них, кто представлял кооперативные союзы потребителей, так как этот сектор сибирской кооперации был в то время наиболее близок к сибирскому движению.

К счастью, даже это весьма ограниченное общение не оказалось безрезультатным. Кооператоры вникли более вдумчиво в текущую ситуацию в стране, и вскоре после моего отъезда из Ново-Николаевска приняли более активное участие в политической деятельности. Они оказали добросовестную и существенную поддержку Западно-Сибирскому комиссариату, Западно-Сибирскому военному штабу и ряду других учреждений, оставленных нами в Западной Сибири.

Мне перед моим отъездом кооператоры вручили, насколько помнится, сто тысяч рублей и письма кооперативным отделениям, находящимся в различных точках моего маршрута, которые в свою очередь должны были снабдить нас определённой долей из своих денежных фондов в пользу политического движения — соответственно с общей схемой деления пожертвований.

Среди различных впечатлений, которые я вынес в то время от общения с руководителями сибирской кооперации, было одно, очень меня удивившее. Я заметил определённую тенденцию в умах кооператоров — ещё не совсем оформившуюся тенденцию, но тем не менее весьма определённую — признать необходимым предоставить некоторые важные «компенсации» иностранным державам (наиболее вероятно, японцам) в случае, если последние окажут материальную помощь Сибири в её борьбе против большевизма.

К.И. Морозов, член правления «Закупсбыта», провожая меня и выражая различные пожелания кооперации, поразил меня следующим заявлением:

— Продавайте, — сказал он мне, — да не продешевите.

Я тут же оборвал его, заметив, что мы ничего не собираемся «продавать», а он поспешил смягчить своё весьма неудачное выражение:

— Да, конечно, знаю, что Вы ничего не будете «продавать», но тем не менее думаю, что неизбежным будет дать какую-нибудь компенсацию иностранцам.

Позже такого рода мысли, преваляровавшие в некоторых кругах кооперации, обнаружили в себе ещё более категорический характер, в частности — в позиции, занятой господином Курским, делегатом от сибирской кооперации, который весьма недвусмысленно заявил в Харбине от имени кооперации, что Сибирь готова дорого заплатить «даже за один малый японский армейский корпус».

Эти тенденции продолжали укрепляться среди кооператоров — и, даже в большей степени, в деловых и коммерческих кругах — наряду с

более полным пониманием истинной природы коммунистов, правящих страной.

Во время этого моего приезда в Ново-Николаевск я впервые встретился с А.В. Сазоновым, старым народовольцем, который был близок к сибирским кооперативным кругам. Поскольку я торопился, моя беседа с ним была короткой и касалась, в основном, технических вопросов. Поэтому я не мог в то время составить себе определённое мнение о нём.

Я, однако, не сомневался в том, что А.В. Сазонов был очень активной фигурой, что старая закваска «Народной воли» всё ещё была у него в крови и что в его лице сибирское движение обдало крепким и энергичным другом в рядах кооперативной организации.

Очень характерным для него было выражение, которое он предложил в виде ключа к особому коду, которым мы условились пользоваться между собой. То была старая русская поговорка, которая звучит так: «Хоть морда в крови, да наша взяла». И он произнёс эту поговорку с таким мальчишеским задором, что я громко расхохотался, несмотря на серьёзность момента.

Множество армейских офицеров, связанных с тайными военными организациями, навестили меня за время моего пребывания в Ново-Николаевске. Все они были проникнуты боевым духом и полны решимости. Но, как и во всех других местах, только молодые офицеры составляли здесь активную часть военных кругов.

Генерал Д.Л. Хорват

В марте 1918 года, как только я и мои товарищи достигли станции Маньчжоули, тайно совершив длинное путешествие из Западной Сибири в Полосу отчуждения Китайско-восточной железной дороги (КВЖД), я телеграфировал генералу Хорвату, информируя его о том, что члены правительства, избранного Сибирской областной думой, направляются в Харбин. Я также попросил его обеспечить помещением членов правительства и их штат.

На харбинском вокзале большие церемониальные залы были открыты для встречи членов Правительства автономной Сибири. Представители разных общественных и политических организаций, эмиссары Временного сибирского областного совета, А.Н. Русанов — Верховный комиссар по Дальнему Востоку Временного (Всероссийского) правительства и бывший член Государственной думы, и Л.А. Устругов, товарищ министра путей сообщения Временного правительства,

пришли встречать нас на вокзале. Однако генерала Хорвата, в то время Верховного комиссара Временного правительства в Полосе отчуждения КВЖД и управляющего железной дорогой, на вокзале не было. Тем не менее по его распоряжению вагон, в котором разместились члены Правительства автономной Сибири, был отцеплен в Харбине и на запасном пути станции прицеплен к другому поезду, состоявшему из вагон-ресторана, канцелярского вагона, служебного вагона и салон-вагона Устругова. Так генерал Хорват отреагировал на мою телеграмму с просьбой обеспечить нас помещением.

Поскольку ни генерал Хорват, ни его представитель не пришли на вокзал встречать членов Правительства автономной Сибири, я счёл неудобным посетить генерала Хорвата на следующий день в ходе моих визитов к представителям различных русских организаций и союзных держав. У меня создалось впечатление, что генерал Хорват игнорирует Правительство автономной Сибири.

Однако из докладов бывшего эmissара Временного сибирского областного совета, а также и члена Правительства автономной Сибири, Е.В. Захарова, я увидел, что генерал Хорват был глубоко заинтересован в антикоммунистической деятельности сибиряков и внимательно изучал события, происходившие в Западной Сибири. Он также интересовался работой Временного сибирского областного совета, всеми делами и событиями, связанными с совещаниями членов Сибирской областной думы, с открытием её заседаний, с образованием сибирского правительства и т.д. Получив информацию о последнем, генерал Хорват выразил готовность, в принципе, участвовать в работе сибирского правительства — готовность, которая выявилась в его беседе с Захаровым. Однако, по мнению Захарова, он проявил нерешительность и недостаточно разобрался в значении событий в Сибири, не понимая в должной мере характер различных политических группировок и подвергаясь разным сторонним влияниям, в частности — влиянию русского посольства в Пекине, которое в свою очередь было недостаточно информировано о превалировавшей в России и Сибири ситуации и чьё отношение ко всем событиям и движениям, не носившим монархической печати, было весьма недружелюбным, чтобы не сказать — ненавистным. Генерал Хорват также находился под влиянием некоего Комитета защиты родины и Учредительного собрания, действовавшего в Харбине под руководством присяжного поверенного Александрова при поддержке нескольких членов дальневосточных промышленных кругов, эмигрировавших в Харбин. Генерал Хорват — человек очень осторожный, он оберегает свою репутацию и ею на Дальнем Востоке дорожит,

держится за своё положение и боится прослыть слишком либеральным или даже вызывающим в глазах представителей иностранных держав и группировок, которые «делают погоду» на Дальнем Востоке. Следствие этого, согласно Захарову, — осторожность генерала Хорвата по отношению к Правительству автономной Сибири. Короче говоря, генерал Хорват избегает участия в любой деятельности, которую можно превратно истолковать касательно его отношения к сибирскому правительству. Приведённую выше характеристику генерала Хорвата подтвердил адвокат А.П. Козловский, присутствовавший при беседе Хорвата с Захаровым. Козловский стал впоследствии нашим поверенным. Он сотрудничал с генералом Хорватом в течение многих лет и очень хорошо знал его.

Вечером того же дня меня проинформировали банковские круги о том, что генерал Хорват в частном порядке и конфиденциально справлялся, не депонировали ли мы какие-нибудь суммы в местные банки.

На следующий день, после того, как генералу Хорвату сообщили о том, что некоторые представители иностранных держав посетили нас в ответ на наши визиты, он явился к нам. Отчётливо помню его неожиданный визит и оставленное им впечатление, которое определило в будущем моё отношение к нему, несмотря на мелкие неприятности, вторгавшиеся в поле наших взаимоотношений. Я просто полюбил его. С первого же момента стало ясно, что генерал Хорват — политик иного покроя. Он искусно действовал при существующих обстоятельствах, интуитивно улавливал интересы и чаяния людей, с которыми соприкасался, умел привлечь их на свою сторону и очаровать их. Эти его черты, присущие женскому характеру, он сумел успешно использовать в делах политических, но в политике как таковой, в вопросах внешней или внутренней политики генерал Хорват был некомпетентен и даже не понимал их. В политических делах он руководствовался симпатиями или антипатиями, которые были уже свойственны ему и были потому разумеющимися или же подсознательно возникающими в нём. Или опять-таки он находился под впечатлением заявлений и заключений, которые были искренне или по иным мотивам навязаны ему другими.

Позднее, в эмигрантский период, генерал Хорват, как он сам мне однажды признался, не мог в течение долгого времени избавиться от впечатления, что я являюсь его злейшим врагом, который на протяжении всей своей деятельности на русском Дальнем Востоке пытался устроить на него покушение. Впоследствии генерал Хорват, конечно, понял абсурдность своих подозрений. Однако в своём отношении ко мне он тогда

руководствовался впечатлениями, создаваемыми в отношении меня теми из его сотрудников, которые были в этом заинтересованы.

Генерал Хорват вошёл в салон-вагон вместе с Е.В. Захаровым, перед тем вышедшим ему навстречу. В тот момент там состоялась частная беседа между генералом Хорватом и несколькими членами правительства.

Должен сказать, что встреча была очень сердечной. После первых неловких минут наша беседа с генералом Хорватом проходила в весьма дружелюбном духе. Члены правительства не пытались навязать генералу свою точку зрения. Они откровенно и объективно осветили ход событий, происходивших в разных точках Сибири, чтобы позволить генералу сделать свои собственные выводы. Таким образом, ему стало очевидным, что во избежание катастрофы необходимо объединить все антикоммунистические силы и сотрудничать с правительством, избранным Думой.

Достигнуть этой цели стало намного легче, потому что несколько членов правительства, которые прежде находились под влиянием других политических группировок, осознали свои ошибки. Стало понятным, например, что оплошностью было бы исключить от участия в исполнительных и законодательных органах так называемые «цензовые элементы».

Как бы нехотя покидая нас, генерал Хорват спросил, в каком качестве мог бы он быть нам полезен.

На это П.Я. Дербер ответил: «Не нашли бы Вы возможным, генерал, возглавить интендантскую службу?»

Генерал, видимо, не ожидал подобного предложения, но после краткого раздумья дал согласие.

Меня лично предложение Дербера, которое, полагаю, основывалось на совете инженера Устругова, несколько разочаровало. У меня была возможность ознакомиться с преваляровавшими условиями, и я считал необходимым ввести генерала Хорвата в Правительство автономной Сибири в качестве его члена. Таким путём мы бы одновременно разрешили проблему принятия «цензовых элементов» в правительство. Мне было также ясно, что генерала Хорвата не удовлетворит предложенная ему должность интенданта. Кроме того — она вызовет нежелательную реакцию среди его сторонников. Однако я тогда не нашёл возможным прекословить Дерберу или изменить его бестактное предложение.

Мы расстались с генералом Хорватом самым дружественным образом.

На следующий день я нанёс визит генералу, но, к сожалению, не мог затронуть критического вопроса — мы были не одни. Мои коллеги согласились с моим предложением ввести генерала Хорвата в наше правительство в качестве его члена, хотя и проявили некоторое колебание в этом вопросе. Необходимо было к тому же испросить согласие президиума Думы, который собирался устроить в Харбине частные совещания членов Думы, приехавших в Харбин.

Ввиду наличия нерешённых важных вопросов, требовавших внимания, особенно в связи с предполагаемой конференцией в Пекине, а также из-за различных донесений от военных организаций и комиссариаатов было невозможно немедленно решить вопрос о введении генерала Хорвата в наше правительство, и, таким образом, вопрос этот повис в воздухе. С другой стороны, генерал Хорват не торопился принять на себя обязанности начальника интендантской службы. Нам стало известно, что приезжавшие в Харбин люди и правое крыло Комитета защиты родины и Учредительного собрания делают всё возможное, чтобы убедить генерала Хорвата в необходимости предпринять независимые шаги и образовать с этой целью правительство из «цензовых элементов» и групп, и что генерал Хорват считает эти предложения заслуживающими его внимания. Вопрос должен был быть решён, и, таким образом, в соответствии с постановлением некоторых членов нашего правительства было решено предложить генералу Хорвату должность управляющего ведомством Правительства автономной Сибири на правах министра. Генерал Хорват дал в принципе своё согласие. Ввиду намечавшегося отъезда правительственной миссии в Пекин генерала Хорвата уведомили, что в случае необходимости члены миссии в их переговорах в Пекине упомянут об его согласии в принципе стать членом нашего правительства. Генерал Хорват согласился на это.

Однако вскоре ситуация изменилась. Движение, оказываемое на генерала Хорвата реакционными группами в Харбине, поддерживалось российским посольством в Пекине и путиловской кликой, и тогда стало ясно, что генерал ведёт двойную игру. На наш прямой вопрос о вышесказанном мы не получили ответа, но позже нам стало известно, что генерала Хорвата склонили на свою сторону реакционные группы. На этом наши взаимоотношения с генералом Хорватом прекратились.

Вскоре мы покинули Харбин. Правительство автономной Сибири заявило о себе во Владивостоке, а некоторое время спустя на станции Гродково генерал Хорват был торжественно провозглашён «Правите-

лем России». (На самом деле это провозглашение состоялось в прибывшем в Гродеково поезде.)

Попытка генерала Хорвата достичь Владивостока провалилась. Его «армия» — небольшой отряд — была разоружена нами, и, следовательно, район станции Гродеково стал единственной территорией, подчинённой его правительству. Однако факт, что восстание генерала Хорвата произошло в период, когда борьба против коммунистов в Сибири ещё не окончилась, а формирование внутреннего фронта в антикоммунистическом лагере находилось в окружении вражеских сил, стал явлением, требовавшим немедленного внимания и соответствующих мер. Одна часть нашего правительства настаивала на немедленной ликвидации организации генерала Хорвата, так как они считали, что это покончит с возникшей ситуацией. Другие, включая меня, были за ликвидацию этого инцидента мирным путём, предполагая, что действия генерала Хорвата были вызваны более вескими причинами, а именно — некоторыми серьёзными расхождениями во мнениях и отсутствием взаимопонимания между исполнительными и законодательными органами и некоторыми кругами населения. Эти расхождения во мнениях следовало устранить в самом начале деятельности сибирского правительства, ибо на его ответственности лежало решение проблем, требовавших поддержки всех национально мыслящих людей Сибири. Более того, мы получили информацию о том, что часть правительства Хорвата разделяет наше мнение. Это мнение разделял и сам генерал Хорват. Насколько я помню, никакого определённого решения нашим правительством принято не было. Вскоре, однако, мы получили предложение от «Хорватовского правительства» начать с ним переговоры. Мы приняли предложение; переговоры начались, и, следуя инструкциям нашего правительства, я лично принял участие в них. Однако переговоры эти не были доведены до конца.

События пошли по другому пути. Хорватовский инцидент был ликвидирован стараниями делегатов «Западной группы» сибирского правительства. Генерал Хорват перестал называться «Правителем России», став особоуполномоченным сибирского правительства на Дальнем Востоке.

Четыре года спустя я встретился с генералом Хорватом в Пекине. В Приморье «белое» движение ещё горело, но то были его последние вспышки. К тому времени генерал Хорват был вынужден покинуть свою «счастливую Хорватию» — Маньчжурию и поселиться в Пекине в качестве советника пекинского правительства. Жил он тогда в здании

бывшего австрийского посольства. Я приехал в Пекин по заданию «Совета уполномоченных организаций автономной Сибири» в связи с текущими делами последнего.

Я решил навестить генерала Хорвата.

Генерал Хорват встретил меня с улыбкой.

— Политические оппоненты, а не враги, — сказал он.

Я с ним согласился.

Затем мы вкратце коснулись событий прошлого, и генерал Хорват шутя заметил, что его дети до сих пор смеются над его неудавшейся попыткой провозгласить себя «Правителем России»:

— А во Владивостоке, помните, когда Вы сидели в одном кафешантане, какой-то артист запел:

Когда я принцем был Аркадии,
Я называл себя правителем...

Мне сказали, что Вы на него рассердились.

Это было правдой. Помню, как какой-то куплетист в одном из кафешантанов надеялся развеселить публику этими стишками. Также помню, что попросил начальника полиции, который сидел в ложе со мной, прекратить исполнение этого номера.

Хотя генерал Хорват старался обратить это в шутку, я почувствовал, что он был подавлен, и поэтому изменил тему нашего разговора. Было ясно, что генерал Хорват осознавал, что были совершены роковые ошибки, однако было также ясно, что он не понимает причин их возникновения.

Не желая делать разговор ему неприятным, я не «подобрал перчатки».

Однако, когда я стал прощаться с моим очаровательным хозяином, он неожиданно сказал:

— Злые языки говорят, что Вы и я виноваты в том, что большевики сейчас хозяйничают в Сибири... Могли ли мы изменить ход событий?

— Злые языки, — сказал я, — правы в какой-то степени.

— Как так? — спросил Хорват взволнованно.

— Объяснить это несколькими словами невозможно, Дмитрий Леонидович. Быть может, Вы позволите мне вернуться к этой теме несколько позже.

— Мне интересно Ваше мнение.

Но «вернулись мы к этой теме» лишь несколькими годами позже.

К этому времени серебристо-седоватая борода генерала Хорвата побелела. Помещения бывшего австрийского посольства стали тесны-

ми. Рабочая комната генерала была разделена надвое занавесом, позади которого, вероятно, находилась его спальня. Генерал Хорват сидел в кресле за маленьким письменным столом; выглядело, как будто он прячется в самом себе, он даже казался ниже ростом. Генерал уже больше не состоял советником пекинского правительства, и его финансовые дела, видимо, были в плачевном состоянии.

Я приехал в Пекин по делу, с которым генерал Хорват тоже был связан. Он меня интересовал как человек, а не как представитель Его императорского высочества великого князя Николая Николаевича. Тем не менее генерал Хорват поставил вопрос об установлении контактов Совета уполномоченных с Его императорским высочеством. Хорват считал решение этого вопроса простым и никак не мог понять, какие причины способны препятствовать установлению таких контактов. Несмотря на то, что я всячески пытался избежать этой темы, генерал требовал от меня объяснение, которое я был вынужден дать, причём изложить всё так, чтобы не обидеть его лично и вместе с тем не дать ему почувствовать себя обиженным за организацию, которую он представлял.

В процессе этого весьма сложного психологического манёвра выяснилось, что есть способ предложить генералу подходящую формулировку, позволяющую ему установить контакты с Советом уполномоченных, не затрагивая отношений со своим покровителем. Генерал Хорват остался очень доволен этим, успокоился, и только тогда появилась возможность обсудить вопросы, которые нас обоих интересовали. Меня поразила исключительная лёгкость, с которой генерал нашёл возможным решать весьма сложные вопросы, которые до того казались неразрешимыми. Тут он проявил необычайно здравый ум. Я воспользовался этим фактом и обратил внимание генерала на лёгкость в достижении согласия благодаря просто изложенным формулировкам, позволявшим ему найти решение трудной проблемы касательно контактов Совета уполномоченных с Его императорским высочеством великим князем Николаем Николаевичем.

Дмитрий Леонидович откликнулся на это свойственной ему добродушной и в то же время хитрой, неподражаемой улыбкой, по-моему, столь характерной и неотъемлемой чертой русского народа.

Затем он прямо перешёл к вопросу, который мы не успели обсудить несколько лет тому назад и который явно всё ещё волновал его. На сей раз я с лёгкостью «подобрал перчатку».

Ситуация в Сибири была таковой в 1918 году, что если бы мы пришли к действительному, настоящему и искреннему взаимопониманию и если бы мы были объединены в общих усилиях, наш успех в

Сибири был бы обеспечен, несмотря на все существовавшие препятствия и интриги. Наш успех в Сибири приобрёл бы, таким образом, всероссийское значение. Большевики не были сильны в Сибири, и их власть была легко свергнута. Они стали укрепляться лишь после того, как антикоммунистический фронт утратил своё единство и глубокие трещины образовались между антикоммунистическими центрами деятельности. Эти трещины обернулись западней, в которую сами антикоммунисты попали. Если бы мы избежали наших ошибок — ошибок, сделанных в самом начале нашей борьбы, никогда бы не возникло то роковое непонимание между нашим правительством и генералом Хорватом — непонимание, ставшее причиной всех уже известных печальных последствий.

Различные силы, одни благодаря их пониманию ситуации, а другие благодаря их непониманию, всячески старались разделить нас. Однако их успех зависел полностью от нас. И если бы мы действительно хотели, этого бы не случилось. Так почему же мы позволили этому случиться? Потому что некоторые наши личные соображения были дороже нам, чем чувство нашего общего долга. Таковы были условия, которые не позволили нам всмотреться в эту проблему с большей решительностью и мужеством.

— Не признаете ли Вы, Дмитрий Леонидович, — спросил я, — что если бы в самом начале, скажем, после нашей первой встречи, у нас бы состоялся очень откровенный разговор, мы несомненно пришли бы к полному взаимопониманию, особенно учитывая, как Вам, конечно, известно, что именно я настаивал на приглашении Вас примкнуть к нашему правительству и изменении «программы минимум» в соответствии с преваляровавшими тогда условиями. Возможно даже, что наше «лестное» предложение Вам возглавить интендантскую службу не мешало бы нашему взаимопониманию в то время.

Меня перебил смех генерала Хорвата.

— Подумать только, — сказал генерал, смеясь, — начальник интендантской службы! И это в то время, когда меня уговаривали стать «Правителем России»! Ну, конечно же, мы пришли бы к взаимопониманию. Но как можно было тогда устроить разговор по душам? Увы, Вы правы. Действительно — Колчак и атаманы — они всё испортили, я всегда это говорю...

Генерал Хорват стал припоминать факты прошлого. Он поведал мне много интересного о невидимой работе тех, кто поддерживал его. С

презрением говорил Хорват о силах, которые находились тогда в оппозиции к нему; в частности, упомянул оппозицию Колчака...

— Я думал, — продолжал я, — что адмирал Колчак был хорошим человеком, но плохим политиком...

— Не знаю, — ответил Хорват, — быть может, какое-то ненормальное состояние вынудило адмирала Колчака делать вещи, которые я не могу понять. Он явно плёл интриги против меня. А затем Ваш собственный случай; помните мою охрану, которую я послал охранять ваш поезд? Это было вызвано простой причиной, тем, что какая-то группа из отряда Орлова хотела взорвать ваш поезд. Колчак, насколько мне известно, не возражал против этого... И, вообще, что и говорить! — Хорват махнул рукой, — лучше не думать об этом. Он покойник. Царство ему небесное... Намучился...

Во время этого моего приезда в Пекин наши беседы продолжались целыми днями и каждый раз становились всё более откровенными и сердечными. Помню, как Дмитрий Леонидович внезапно обрадовался и оживился, узнав, что я был своего рода агрономом.

— Знаете, — сказал он, — трудно поверить, но я когда-то мечтал об агрономии. Люблю землю, люблю земледелие, поле... А не радость ли пройтись по лугу ранним утром, когда трава ещё мокрая? Всю жизнь у меня не было времени по-настоящему оценить эту радость. А сейчас? Нет, внезапно, милого родного дома. Нужно отбросить всё несущественное, всё, что мешает. Все мы должны объединиться, чтобы вернуть наши поля. Мы должны отдать все силы, мы должны напрячь всю нашу энергию, чтобы вернуться в Россию. Независимо от режима — лишь бы можно было нам жить, дышать свободно... Неважно, как там жить и что делать... Вы сказали, что Колчак был плохим политиком. И Вы правы — какой же он был политик! Но все мы были плохими политиками уж по одному тому, что мы здесь, а не дома...

На следующее утро, до моего отъезда, генерал Хорват продолжал в моей гостинице нашу беседу о «милом родном доме». Наша предыдущая беседа разволновала генерала и вызвала в нём чувства, которые не гармонировали с серой действительностью наших дней.

— И у всех нас те же мысли, та же тоска, — сказал Хорват. — Недавно получил письмо от одного эмигранта. Старик. Живёт где-то в тихом месте и в хороших условиях. Но так же, как мы, мечтает вернуться в Россию. Он послал мне рецепт, вернее, способ, как сберечь здоровье. Чувствую, что ему нужно моё здоровье, чтобы помочь ему когда-нибудь вернуться на родину...

Но самому Дмитрию Леонидовичу волею судьбы не суждено было вернуться домой, чтобы насладиться ароматом русских полей, которые он так страстно любил.

Проект об образовании Всероссийского правительства, 1918

По своему прибытию в Харбин советник Российского правительства в Пекине, господин В. Граве, попросил меня назначить ему свидание для частной и конфиденциальной беседы.

Я встретился с господином Граве на следующий день. Господин Граве подчеркнул, что его попросили в неофициальном порядке получить информацию об отношении Правительства автономной Сибири к вопросу, интересующему дипломатические круги в Пекине. С этой целью он и попросил меня уделить ему время для частной и конфиденциальной беседы.

Я согласился на беседу с господином Граве, но предупредил его, что он не должен рассматривать моё мнение на интересующую его тему как мнение сибирского автономного правительства.

Господин Граве принял это замечание во внимание и сообщил содержание вопроса, интересующего дипломатические круги в Пекине.

Суть этого вопроса заключалась в следующем: представители союзных держав в Пекине пришли к заключению, что в их борьбе с германской коалицией им выгодно, чтобы антикоммунистическое движение в России возглавлялось Всероссийским правительством, а не сибирским. Поэтому, в соответствии с пожеланиями и настроениями союзных нам дипломатов в Пекине, желательно, чтобы сибирское правительство нашло возможным объявить себя правительством Всероссийским. В таком случае, разумеется, добавил господин Граве, будет необходимым расширить состав существующего Правительства автономной Сибири введением в него представителей Европейской России и её пограничных районов. Кроме того, по мнению господина Граве, станет необходимым и участие в этом правительстве представителей так называемых ценовых элементов.

Я тогда обратил внимание господина Граве на то, что Правительство автономной Сибири было избрано Сибирской областной думой и что полномочия этого Правительства чётко определены сибирским парламентом. Таким образом, с формальной точки зрения его проект на-

толкнётся на серьёзные препятствия. Однако эту проблему можно решить тем или иным способом... Россия сейчас стоит перед лицом жесточайшей революции, и судьба всей страны, как и всей нации, зависит от исхода революции, и потому все формальные препятствия не должны стоять на нашем пути в поисках удовлетворительных решений наших проблем. Таким образом, возможно, превращение сибирского правительства в правительство Всероссийское окажется не нужным. Быть может, будет предпочтительнее сибирскому правительству оставаться областным, каково оно есть, но одновременно участвовать в образовании правительства Всероссийского. Полагаю, добавил я, что сибирское правительство легко достигнет взаимопонимания со Всероссийским правительством и решит требующие решения вопросы, не ограничивая своих прав и власти. Можно найти основания решения этой проблемы, если не возникнут какие-нибудь вопросы принципиального или тактического характера.

— На каком основании, — спросил господин Граве, — считаете Вы возможным достичь договорённости?

— Я полагаю, что не должно быть никаких попыток реставрировать старый режим. Революция — это факт, который мы не можем устранить или игнорировать.

— Не найдёте ли Вы возможным, — продолжал господин Граве, — воздержаться от любых решений относительно формы будущего Всероссийского правительства, чтобы сосредоточить в данный момент всю власть в руках Всероссийского правительства до полного освобождения России от большевиков?

— Сибирская областная дума, — ответил я, — передала всю власть над территорией Сибири сибирскому автономному правительству. Думаю, что будет вполне логичным предполагать, что Всероссийское правительство должно обладать подобными же правами до полной победы над большевизмом и образования Всероссийского учредительного собрания. А что до будущей формы российского правительства, то мы считаем, что этот вопрос будет зависеть от решения Всероссийского учредительного собрания и потому не рассматриваем себя единственными решителями этого вопроса. Тем не менее должен подчеркнуть, что все члены сибирского автономного правительства высказываются в пользу демократической формы правления и будут стремиться к установлению в России демократического правительства.

— Найдёте ли Вы возможным, — продолжал господин Граве, — назвать Учредительное собрание «Национальным собранием»?

— Не стану спорить с Вами в отношении слов.

Господин Граве задумался.

— Кого из членов сибирского правительства, — спросил он, — могли бы откомандировать делегатом ко Всероссийскому правительству?

— Затрудняюсь ответить на этот вопрос в настоящее время, но является ли он решающим или делом первостепенной важности?

— Я бы сказал, что да, — ответил господин Граве, — для Вашего сведения должен сообщить, что некоторые члены сибирского правительства слишком неподходящи.

— Кому?

— Откровенно говоря, я не знаю кому и почему. Не найдёте ли Вы возможным, — продолжал господин Граве, — поставить на рассмотрение сибирского правительства вопрос об образовании Всероссийского правительства?

— Только в том случае, если у меня будут на то веские причины.

Кроме того, господин Граве интересовался личным составом Сибирской областной думы и сибирского правительства, нашими военными организациями, нашим отношением к генералу Хорвату, адмиралу Колчаку и господину Путилову.

Прощаясь со мной, господин Граве спросил меня, найду ли я лично возможным стать членом Всероссийского правительства, на что я ответил, что смогу стать членом последнего только в том случае, если сибирское правительство сочтёт необходимым прикомандировать меня к этому правительству в качестве делегата.

Переговоры с господином О'Райлли, верховным комиссаром Великобритании в Сибири (1919)

Господин О'Райлли сменил сэра Чарльза Эллиота на посту верховного комиссара Великобритании в Сибири после назначения сэра Чарльза британским послом в Токио.

По инициативе господина Ф.К. Кэрби, английского бизнесмена с определёнными политическими связями, я познакомился с господином О'Райлли вскоре после моего прибытия во Владивосток и обсуждал с ним ситуацию в Сибири.

Нам обоим было ясно, что политика правительства адмирала Колчака ведёт страну к катастрофе и что во избежание этого требуются

самые решительные меры. Все попытки повлиять на адмирала Колчака и его правительство в правильном направлении с тем, чтобы объединить вокруг правительства сибирские политические группировки и население и тем самым создать благоприятные условия для ведения борьбы с коммунистами, оказались тщетными. Поэтому мы оба пришли к выводу, что единственный путь для спасения Сибири — это устранение правительства адмирала Колчака и замена его авторитетной властью, способной удовлетворить интересы сибирского населения и заслужить его доверие.

Однако серьёзные препятствия в решении этой проблемы возникли в результате политики держав, представленных в Сибири, включая ту же Великобританию, которые поддерживали адмирала Колчака.

Я обратил внимание господина О'Райлли на это обстоятельство и предложил ему осведомить своё правительство по этому вопросу и попытаться устроить дела так, чтобы избежать вмешательства агентов британского правительства в наши внутренние дела.

Господин О'Райлли обещал проинформировать своё правительство о соображениях, которые я ему высказал, но добавил, что он сам ещё не полностью ознакомился с ситуацией в Сибири и пока не имеет определённого мнения по этому вопросу.

Этим и закончилась наша первая встреча. Вскоре после этого, однако, я получил через господина Кэрби вторичное приглашение от господина О'Райлли, который на сей раз сказал мне, что, изучив досконально положение дел в Сибири, он пришёл к заключению, что мои соображения, высказанные на нашей первой встрече, имели, очевидно, весьма серьёзные основания. Но, по его мнению, вооружённое выступление против правительства адмирала Колчака было не единственным выходом из опасного положения. Он считал, что следует попытаться достичь взаимопонимания с адмиралом Колчаком. И если мы, Комитет содействия созыву Земского собора, согласимся на подобную попытку, то станет возможным пригласить какое-нибудь нейтральное лицо в качестве посредника.

Полностью разделяя мнение господина О'Райлли о том, что внутренние распри подорвут в сильной степени наши антикоммунистические силы, я посчитал достижение мирного взаимопонимания самым разумным решением стоящей перед нами проблемы. Тем не менее я высказал господину О'Райлли свои опасения по поводу того, что такие переговоры ввиду бескомпромиссной позиции, занятой омским правительством, и поддержке, оказываемой ему некоторыми представителями держав в

Сибири, не дадут никаких положительных результатов и приведут лишь к потере времени, что может оказаться роковой ошибкой.

Коммунистические силы быстро подступали к Омску, и мы не могли позволить себе терять время, дабы быть готовыми остановить это наступление. Впрочем, я сказал, что если господин О'Райлли со своей стороны в состоянии что-нибудь предпринять, то ему надлежит сделать это немедленно.

Затем господин О'Райлли обратился по своей инициативе к адмиралу Колчаку с предложением начать переговоры. Но вскоре после этого он получил инструкции от своего правительства покинуть Владивосток на первом же пароходе, и, таким образом, его попытка ни к чему не привела.

Генерал Грейвс

Вскоре после моего возвращения из Западной Сибири в 1919 году я познакомился во Владивостоке с командующим американского экспедиционного корпуса в Сибири генералом Грейвсом.

В то время я не занимался активной политической деятельностью, будучи занят делами Всесибирского союза земств и городов (Сибземгор), представителем которого на Дальнем Востоке я являлся.

Тем не менее я внимательно следил за развитием событий в Сибири и, естественно, интересовался отношением, проявляемым к сибирским делам представителями иностранных держав, которые делали тогда политическую погоду. Не менее естественным было и то, что благодаря условиям, превалировавшим в те времена в Сибири, все мы интересовались отношением к нам представителя Соединённых Штатов Америки. Правда, генерал Грейвс был командующим экспедиционного корпуса США, а не их дипломатическим представителем. Однако военные представители разных держав проявляли тогда склонность к политическому руководству.

Высокий, крепко сложенный, с проблесками седины в волосах, с живыми светящимися глазами, излучающими доброжелательность, генерал Грейвс производил впечатление очень энергичного, симпатичного и прямого человека. С самого начала в беседах с генералом создалась очень дружественная обстановка. Тем не менее было заметно, что генерал был чрезвычайно осторожен в подборе слов и явно воздерживался от высказывания собственного мнения, мыслей и чувств всякий раз, когда они не совсем совпадали с предписаниями Вашингтона.

Несмотря на исключительную осторожность генерала при высказывании своих личных взглядов, стало очевидным с первой же беседы с ним, что он не одобрял энтузиазма иностранцев по отношению к диктатуре адмирала Колчака в Сибири.

Трудно было сказать, являлось ли такое отношение следствием его естественной неприязни к любой диктатуре и американского демократического духа или его знания ситуации и понимания условий, превалявших в Сибири. Так или иначе, мы — сибирские автономисты — были уверены, что можем рассчитывать на поддержку генерала Грейвса, если это зависело лично от него — от его личной антипатии к диктатуре и его личных убеждений, не согласных с любым вмешательством в наши внутренние дела, особенно его категорического отказа посягать на интересы Российского государства.

Эти первые мои впечатления не обманули меня. Генерал Грейвс оставался верным своей точке зрения, которая, возможно, вопреки его собственной воле, была ясно высказана мне во время первой нашей беседы. И в 1920 году, когда японский экспедиционный корпус собирался вмешаться в изменившийся порядок в Приморье, американские войска по приказу генерала Грейвса остановили японское наступление на Владивосток.

Позже, когда нам стало ясно, что политика правительства адмирала Колчака приведёт к вторжению большевиков в Сибирь, и когда всевозможные наши усилия изменить эту политику оказались тщетными, у нас не оставалось иного выхода, как сплотить наши ряды, чтобы предотвратить вторжение коммунистов в Сибирь и их оккупацию последней. Комитет содействия созыву сибирского Земского собора и был образован тогда во Владивостоке. Этот Комитет должен был объединить и возглавить силы, организованные для намеченного движения.

В связи с вышеупомянутым и во исполнение инструкций Комитета я часто встречался с генералом Грейвсом и вёл беседы с ним по вопросам, возникавшим по мере всё возраставшего напряжения в Сибири.

Я неоднократно пытался выяснить, каково будет отношение генерала или Соединённых Штатов Америки в случае оппозиции нашему движению со стороны различных иностранных вооружённых сил в Сибири. Определённого ответа на этот вопрос я так и не получил.

Не получил я и определённого ответа на затронутые мной вопросы в беседе с послом Соединённых Штатов господином Моррисом на борту крейсера «Бруклин», стоявшего тогда на рейде владивостокского порта. По всей вероятности, ни господин Моррис, ни генерал Грейвс

не получили определённых инструкций по этому поводу из Вашингтона. Даже значительно позже, когда наши воинские части были вынуждены прибегнуть к боевым действиям и, с другой стороны, оказались лицом к лицу с шеренгой японских войск, которые мешали их движению и укрывали нашего противника, стрелявшего в нас из-за спин японских солдат, и когда японские корабли открыли огонь по нашим позициям, генерал Грейвс, всё ещё не получив инструкций из Вашингтона, не мог оказать нам никакого содействия для предотвращения иностранного вмешательства в наши внутренние дела.

Как я уже упоминал, мне неизвестно, получил ли генерал Грейвс инструкции из Вашингтона, когда он остановил японское наступление на Владивосток примерно двумя месяцами позже.

Однако догадки мои в какой-то мере подтвердились следующими словами генерала Грейвса в беседе со мной:

— Я запросил инструкции из Вашингтона, но в случае отсутствия ответа до того, как произойдут события, я буду вынужден действовать по своему усмотрению.

Никакого прямого содействия генерал Грейвс не оказывал нам как в мелких, так и в важных делах, несмотря на своё личное сочувствие нашей программе и планам. Однажды, ввиду срочной необходимости, я спросил генерала Грейвса, может ли он временно предоставить или продать нам несколько мотоциклов. Генерал Грейвс и тут не смог удовлетворить нашу просьбу. В своём соблюдении нейтралитета генерал Грейвс пошёл однажды слишком далеко: когда несколько человек из наших частей были вынуждены искать убежище в американских казармах и когда американские солдаты оказали им гостеприимство, генерал Грейвс приказал этим людям покинуть казармы, хотя знал, что их встретят вражеским огнём, на который они не могли ответить.

И произошло это именно в то время, когда наши враги нашли убежище в японских казармах и превратили японские позиции в базу боевых действий против нас.

В своём понимании полного нейтралитета генерал Грейвс был, пожалуй, и прав, но от его внимания ускользнуло то, что подобное отношение могло быть эффективным лишь в том случае, если бы другие силы интервентов в Сибири придерживались такой же политики.

Исключительное внимание и заботу проявил генерал Грейвс по отношению к семьям наших злополучных приверженцев и сотрудников.

Какой бы пассивной ни была роль генерала Грейвса в отношении наших дел в Сибири, сам факт существования американских экспеди-

ционных сил оказывал сдерживающее влияние на другие иностранные силы, расквартированные в Сибири.

В силу этого небезынтересно отметить, что даже противники интервенции в Сибири сожалели об уходе из Владивостока американского экспедиционного корпуса и им командующего генерала Грейвса.

Генерал Араки

Я впервые встретился с генералом Араки в 1918 году, когда он был ещё подполковником и помощником военного атташе Японии в Харбине. Моя встреча с ним носила случайный характер, и потому я не мог составить себе определённого мнения о нём.

Позже, когда Сибирь была уже оккупирована большевиками, мои японские друзья, сочувствовавшие сибирскому движению и старавшиеся помочь ему, неоднократно советовали мне, всякий раз когда я бывал в Токио, встретиться с генералом Араки. В то время он завоёвывал всё возрастающее и сильное влияние в политических кругах и становился всё более популярным. Однако, ввиду разных обстоятельств, я не мог встретиться с ним в течение довольно продолжительного времени.

Затем, наконец, мне посоветовал повидаться с ним никто иной, как господин Инукай, маститый политический деятель Японии (позднее убитый военными заговорщиками, когда он занимал пост премьер-министра). Он немедленно написал письмо генералу, и на следующий день я встретился с Араки.

Генерал принял меня в главном управлении генерального штаба, где, мне кажется, он был тогда начальником иностранного отдела. Несколько неожиданным для меня было то, что генерал Араки, хорошо знавший русский язык, выразил пожелание говорить со мной через переводчика. Последний, по фамилии Манабе, был очень умным человеком, в совершенстве овладевшим русским языком и хорошо осведомлённым с темой нашей беседы. Генерал, однако, только слушал меня через переводчика, но отвечал чаще всего прямо по-русски.

Я объяснил генералу наши проблемы и высказал своё мнение об общей ситуации и, в частности, о возможности нашего сотрудничества с Японией.

По моему мнению, интересы обеих, России и Японии, на Дальнем Востоке, при правильном их понимании, не исключали возможности сотрудничества между этими двумя странами. Но такое сотрудничество возможно только в том случае, если истинно национальное правитель-

ство и нормальная демократическая власть будут установлены в России. Генерал Араки полностью согласился с моей точкой зрения.

«Если японское правительство примет такую точку зрения, — продолжал я, — тогда, полагаю, возможно будет открыть путь нашему сотрудничеству в деле освобождения Сибири, а затем и всей России, от власти коммунистов».

Здесь я подчеркнул, что мы считаем, что Сибирь должна быть освобождена усилиями её собственного населения, изнутри, и что любая интервенция неприемлема. Следовательно, поддержка нашего союзника должна носить только технический и финансовый характер. Такого рода поддержка будет не только соответствовать нашим взглядам, но также лучше всего служить интересам Японии.

Генерал Араки сказал, что сочувствует нашей программе и полагает, что такой план действий, с определёнными изменениями, будет, возможно, приемлемым для Японии. Однако он высказал опасение, что общая ситуация в данное время не благоприятствует таким мероприятиям и что нужно дождаться подходящего момента. Он также сообщил, что собирается направить к нам капитана генерального штаба, который поможет нам в нашей работе.

Прощаясь со мной, генерал Араки сказал, что мы ещё вернёмся к теме нашей беседы, и я в свою очередь выразил готовность продолжить обсуждение этих проблем, — хотя слова генерала Араки о том, что данный момент не благоприятствовал нашим планам, не вызвали во мне особого желания продолжать эту дискуссию.

Я очень удивился, когда несколькими днями позже капитан японского генерального штаба пришёл ко мне и заявил, что прибыл в наше распоряжение. Мы были, таким образом, поставлены в неудобное положение: назначение офицера нам в помощь свидетельствовало как будто о возможности начать практическую работу над нашим проектом, но, с другой стороны, замечания генерала Араки о несвоевременности поднятия вопросов, связанных с этим проектом, равно как и отсутствие определённого взаимопонимания с ним в этом вопросе, делало невозможным для нас всерьёз приступить к делу. Поэтому мы решили, что воспользуемся услугами капитана только в том случае и только тогда, когда все точки над *i* будут расставлены.

Во время одной из моих последующих поездок в Токио я выяснил, что генерал Араки близко связался с тайной японской группой фашистского типа. Стало ясным также, что его пути с существующим правительством разошлись и что он искал способы и возможности претворения в

жизнь своей программы, которая, надо полагать, соответствовала программе названной группы.

Поэтому я решил не беспокоить генерала Араки, особенно потому, что сама эта группа стремилась связаться с нами, предлагая нам своё содействие и всякого рода поддержку в случае её прихода к власти. А что касается осуществления последнего, у этой группы никаких сомнений не было.

Во время этого моего пребывания в Токио видные члены этой группы ознакомили меня со своей программой и планами. Покойный мосье Дю Пак де Марсульи, хорошо известный и очень популярный адвокат на Дальнем Востоке, присутствовавший на этой беседе, резюмировал свои впечатления об их рассуждениях следующим восклицанием: «Я никогда не слышал ничего более абсурдного!» Европейец до мозга костей, каковым был мосье Дю Пак, воспитанный в духе французского парламентаризма, не мог, конечно, оценить эту программу никак иначе как абсурд; она полностью игнорировала Европу со всеми её политическими достижениями и традициями...

Как обычно бывает в подобных случаях, представители этой группы не могли, придя к власти, всецело осуществить свою программу, были вынуждены срезать её самые острые углы и приспособиться к преобладавшим условиям.

Члены этой группы, прежде полностью и без изменений принимавшие нашу программу, резко изменили своё отношение к нам. Вначале они пытались диктовать нам свои условия и требования, но, убедившись в том, что мы никогда не станем их агентами, отвернулись от нас и старались связаться с некоторыми другими русскими группами, которые по своим взглядам стали ближе к ним и, к тому же, были более сговорчивыми.

Тем не менее, когда генерал Араки пришёл к власти, я ещё не знал, что его группа изменила своё отношение к нам. Я ещё находился под впечатлением того, что генерал Араки, который однажды полностью соглашался с моими доводами, воспользуется возможностью осуществить соответствующую программу. Поэтому я написал ему письмо, ответа на которое не получил.

В одном из своих заявлений, сделанных, когда он уже стал военным министром и находился на вершине своей власти, генерал Араки заявил, что Япония не имеет агрессивных намерений по отношению к Сибири, но готова помочь ей в её борьбе против коммунизма, который в то же время является и врагом Японии. Генерал также подчеркнул,

что желает установить дружеские отношения с истинно национальной Россией.

По-видимому, что-то помешало генералу Араки осуществить свои намерения...

Мицуру Тояма. «Национальный вождь Японии»

В Японии существуют политические группировки, которые раньше редко действовали открыто, однако играли, и до сих пор играют, важную роль «за кулисами». Они публично не участвуют в политической борьбе, не выдвигают официально своих кандидатов в Парламент, не занимают постов в правительстве. Но тем не менее некоторые их лидеры пользовались, а сейчас в ещё большей мере пользуются, политическим влиянием, которому могут позавидовать многие члены Парламента или правительства.

На политическом жаргоне Японии членов этих организаций называют «ронин» — так в старые, феодальные времена называли вольного, безвассального самурая. Вначале их набирали, главным образом, из числа этих «вольных», лишённых собственности и недовольных самураев, изгнанных с их прежней службы в процессе модернизации Японии.

Гражданские законы страны, видимо, не имеют веса у этих людей. Однако сами по себе они представляют весьма реальную силу, с которой приходится серьёзно считаться правительству и всемогущим финансовым концернам. Они в настоящее время диктуют свою волю всей нации.

Всеми этими группами руководит и их объединяет один весьма пожилой человек, Мицуру Тояма, которого многие японцы называют «национальным вождём Японии». Популярность Тоямы огромна; его резиденция служит местом встречи различных общественных и политических групп, он окружён сотнями «вольных самураев». Тысячи людей считают честью обладать его автографом, и некоторые платят крупные суммы денег, чтобы его заполучить. Вся страна прислушивается к его голосу, и его мнение всегда принимается во внимание правительством.

Тояма появился на политической арене перед самым началом русско-японской войны. Это он тогда вдохновил нацию на «прыжок в неизвестность» и призывал народ не отступать перед тяжёлыми жертвами ради блага страны. Это он сумел добиться единомыслия в японском общественном мнении во время этой войны и тем самым обеспечил

«надёжный тыл» Японии позади её армий. Это он же, по всей вероятности, спровоцировал беспорядки в Токио, когда при наличии воспалённого до предела патриотизма японских масс был подписан мирный договор в Портсмуте, когда разъярённая толпа, сокрушив всемогущую японскую полицию, целый день бушевала на улицах столицы, сжигая полицейские будки и правительственные здания и, осадив министерство иностранных дел, требовала смерти семье виконта Комуры, главного японского делегата, подписавшего «унизительный» (Портсмутский) договор.

Позже опять же он помог подготовить революцию в Китае и в течение многих лет поддерживал ее руководителей, которые устроили тогда свою штаб-квартиру на «ронинских» татами (циновки) в Токио и пользовались «ронинской армией» для достижения своей цели в Китае. Тот же Тояма проделал огромную подготовительную работу в Китае и Маньчжурии, необходимую для японской экспансии на азиатском материке; его агенты составляли там авангард японской армии. Сам Тояма также, по всей вероятности, вдохновил генерала барона Танаку, покойного японского премьер-министра и военного лидера, написать свой знаменитый Доклад Престолу (так называемый «Меморандум Танаки»). И нет сомнения в том, что Тояма частично ответственен за то, что Япония стоит сейчас на краю бездны, в которую неизбежно рухнет всё здание Японской империи.

Итак, в середине тысяча девятьсот двадцатых годов этот самый Тояма заинтересовался сибирским движением.

Когда мы подъехали ко входу просторной токийской резиденции Мицуру Тоямы, десятки японских телег, нагруженных всевозможными товарами, медленно пробирались на территорию резиденции. Товары эти представляли собой пожертвования многочисленных поклонников Тоямы, желавших, чтобы он со своим штабом и армией не нуждался ни в чём необходимом для их существования и работы. Невидимые глаза следили за погребами Тоямы и его кладовыми, заботясь о том, чтобы Тояма был полностью обеспечен. Позже я был свидетелем подобных же сцен в резиденциях «ронинских» вождей меньшего ранга, которые возглавляли организации, связанные с Тоямой. Разница заключалась лишь в масштабности.

Однако в домах этих других вождей я не видел следующей процедуры, которая поразила меня своей необычностью у Тоямы: в течение часа, который мы провели у Тоямы, его секретарь неизменно, по несколько раз подходил к нему, шепча что-то ему на ухо, и Тояма каждый раз вручал ему один из незапечатанных конвертов, лежавших пач-

ками на его столе. В них были деньги, и Тояма даже не открывал их, чтобы посчитать, — он щедро раздавал их сотням людей, нуждавшимся в помощи.

Не поднимаясь с колен и низко кланяясь, один из наших японских спутников представил нас Тояме. Мы приветствовали его, а затем объяснили сущность нашего дела. Наш переводчик старательно излагал нашу программу с соответствующими пояснениями. Тояма, слушая его, смотрел на нас с очень странным, безразлично спокойным выражением глаз. Иногда он издавал смешной звук, совершенно нам непонятный, но, видимо, весьма вдохновлявший наших японских спутников. Последние были явно удовлетворены этой аудиторией.

Когда Тояма встал, чтобы попрощаться с нами, я поразился его необычному росту. Высокий, стройный и крепкого сложения, он не был похож на семидесятилетнего мужчину, каковым он на самом деле был.

На протяжении всего, довольно продолжительного, моего знакомства с Тоямой я очень редко слышал, чтобы он произнёс целиком какое-нибудь предложение — чаще всего это были только короткие и односложные слова. Даже на банкетах и собраниях его речи были куцыми, с гулькин нос. По всей видимости, длинные речи были ему не присущи. Добродушие тоже, видимо, не было чертой его характера. Он производил впечатление ворчливого и скрытного человека. Но на самом деле, как говорили мне, Тояма был человеком совсем иного типа. У меня возникла возможность проверить это заявление, когда вместе с Тоямой я ездил в Хамамацу, где мы оба выступали на собрании с докладами. Здесь, в кругу своих близких друзей, Тояма преобразился. Он говорил, и говорил много, он смеялся и шутил. Очевидно, маска ворчливости предназначалась только для посторонних.

«Тояма, — говорили в Японии люди, хорошо знавшие его, — не всегда был таким. Он был другим». И до чего же другим он был!.. Он любил «хорошо покутить» и делал это часто.

Стайки молоденьких гейш сопровождали Тояму в его веселых похождениях. Судя по некоторым признакам и намёкам людей, знавших его, Тояма очень нравился женщинам и, вероятно, разбил немало сердец в своей молодости...

И вдруг всё это прекратилось, исчезло. Тояма погрузился в другое вдохновенное бытё. Натура у него прямая, цельная и сильная; я бы сказал — натура доблестного рыцаря, эпического героя. Ему следовало родиться столетием раньше. А в современной Японии ему трудно было найти должное место. Не удивительно поэтому, что деятельность его приобретала порой уродливые формы.

В другой стране и при нормальных условиях карьера Тоямы, возможно, завершилась бы плачевно. В иное время жизненный путь его закончился бы плохо даже в Японии. И действительно настала пора, когда звезда Тоямы потускнела и, казалось, начала закатываться. Один из видных японских политических деятелей однажды в разговоре со мной назвал сторонников Тоямы «безответственными людьми», к которым относился с презрением, даже, можно сказать, с отвращением. Японский парламентаризм был тогда в зените.

Ну, а сейчас думаю, что памятник Тояме, давно заготовленный его последователями и хранящийся на каком-нибудь складе, может быть с гордостью поставлен на почётном месте одной из центральных площадей японской столицы.

Генерал Кудо, начальник дворцовой охраны «Верховного правителя Маньчжоу-го» (в прошлом «господина Пу И», ныне «императора Кан-дэ»). 1933

Во дворце «Верховного правителя Маньчжоу-го» (ещё известного тогда под именем Пу И) нас встретил начальник дворцовой охраны, генерал Кудо. Высокий и широкоплечий, он производил впечатление очень энергичного и решительного человека.

Наша беседа с ним проходила в его кабинете, находившимся на первом этаже напминавшего крепость временного дворца «Верховного правителя».

Когда генералу Кудо доложили, что я ещё не виделся с премьер-министром Маньчжоу-го [1], который был занят в тот день, и попросил меня позвонить ему на следующий день по телефону и договориться о свидании, генерал Кудо тотчас же подошёл к телефону и стал с кем-то разговаривать очень резким и повелительным тоном. Повесив телефонную трубку, он сказал, что премьер примет меня на следующий день без промедления. Это бесцеремонное обращение с высокопоставленным государственным чиновником произвело на меня весьма неприятное впечатление, но было характерной манерой обращения японцев со своими китайскими и маньчжурскими сторонниками и коллаборационистами.

Во время моей беседы с генералом Кудо я выяснил, что на протяжении тридцати лет он работал над решением «маньчжурского вопро-

са» и образованием «независимого» маньчжурского государства. «А теперь, — с гордостью сказал генерал, — эта цель достигнута. Остаётся лишь обеспечить дальнейшее существование Маньчжоу-го. Разумеется, что это задача тоже не простая, учитывая существующую международную ситуацию, но главное сделано».

В этой связи, видимо, генерал Кудо также заинтересовался «сибирским вопросом». Хотя, по его собственному признанию, он специализировался на маньчжурских делах и не был достаточно сведущим в делах сибирских, которыми занимались «его друзья», то есть другие члены «ронинской» организации, к которой он сам принадлежал.

«Маньчжоу-го, — сказал генерал Кудо, — не в состоянии, без Японии, оказать какое-либо содействие сибирскому движению». Но, по его мнению, в интересах Японии было бы отодвинуть советские границы как можно дальше на запад и полностью отрезать СССР от Китая и Маньчжоу-го. Он сказал, что поэтому постарается убедить тех, от кого это зависит, «посоветовать» правительству Маньчжоу-го оказать некоторую поддержку и содействие сибирскому движению.

Когда я и мои спутники собирались попрощаться с нашим любезным хозяином, он спросил меня, хочу ли я познакомиться с Верховным правителем. Я сказал, что неудобно беспокоить Верховного правителя и отнимать у него время ради вопросов, с которыми он, вероятно, недостаточно хорошо знаком.

— Нет, это в порядке вещей, — сказал генерал, улыбаясь, — могу это устроить сейчас же, если хотите.

Я, однако, с благодарностью отказался от его любезного предложения.

На следующий день, после моей встречи с премьер-министром Маньчжоу-го, я вновь посетил генерала Кудо. Он, видимо, был вполне удовлетворён моей беседой с премьер-министром, о которой он уже получил полный и подробный отчёт, за исключением, вероятно, одной детали: думаю, что ему остались неизвестны некоторые замечания, сказанные мне премьер-министром, когда он провожал меня по коридору своей резиденции, ускользнув на несколько минут от наблюдения японских стенографистов, которые неотступно сопровождали нас повсюду.

Моя вторая беседа с генералом Кудо вначале следовала основным направлениям беседы предыдущего дня. Мы снова говорили о содействии сибирскому движению со стороны Маньчжоу-го. Генерал повторил, что не Маньчжоу-го имело значение в этом вопросе, а Япония, и обещал «исправить это дело».

Затем он неожиданно спросил меня:

— Согласитесь ли вы, сибиряки, отказаться от любых притязаний по отношению к Монголии?

Я ответил, что монгольский вопрос находится вне наших полномочий и компетенции. Его следует обсудить с будущим Всероссийским правительством.

Генерал Кудо, однако, не согласился со мной и сказал, что сибиряки должны будут определить свою позицию по отношению к монгольской проблеме.

Я сказал, что я, во всяком случае, не считаю себя уполномоченным решать этот вопрос и поэтому не могу его обсуждать.

Вскоре после этого, фактически на следующий день, я заметил по общему поведению и некоторым замечаниям моих японских спутников, что моя «сдержанность» в монгольском вопросе произвела отрицательное впечатление на влиятельные японские круги и, в частности, на генерала Кудо.

Позже это стало ещё более заметным в поведении одной японской группы, которая с тем, чтобы усилить сибирское движение, по своей инициативе старалась сблизить нас с правительством Маньчжоу-го и его японскими чиновниками, которые в действительности управляли им.

Ещё позднее эта группа стала отталкиваться от нас в поисках каких-нибудь более стоворчивых организаций и личностей. Однако по каким-то своим причинам они не пошли на полное прекращение отношений с нами.

ПРИМЕЧАНИЯ

Очерки из серии «From personal reminiscences» публикуются впервые. Публ. Н.В. Моравского. Машинопись на англ. яз.: Hoover Institution Archives (Stanford, California, USA). Valerian Ivanovich Moravskii Collection. Outcard Number 5116-8 (ксерокопии: Отдел редких книг и рукописей Науч. б-ки Том. гос. ун-та).

1. Здесь и далее не назван по имени Чжэн Сюэсюй, в 1932–1935 годах первый министр Маньчжоу-го. — *Ред.*

В.И. Моравский

СОВЕТ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ АВТОНОМНОЙ СИБИРИ (СОУАС)

Пер. с англ. Н.В. Моравского

Движимые соображениями о необходимости сплочения антисоветских сил, многие сибирские политические группировки оказали полную поддержку адмиралу А.В. Колчаку, когда он образовал своё правительство в Омске. Но в то же время серьёзные опасения и сомнения высказывались в сибирских политических кругах относительно способности адмирала Колчака справиться с большевиками или хотя бы оказать успешное сопротивление их новому вторжению в Сибирь.

По этой причине, чтобы быть готовыми в случае поражения адмирала Колчака, а также чтобы сохранить активные политические силы Сибири в организованном состоянии, было решено сформировать представительный орган, способный взять на себя руководство всеми сибирскими антикоммунистическими организациями и группировками. В образовании этого органа приняли участие многие члены первого сибирского правительства и Сибирской областной думы, равно как и ряд делегатов от земств, городских самоуправлений, кооперативных обществ, политических организаций, групп национальных меньшинств и туземного сибирского населения.

Так возник Совет уполномоченных организаций автономной Сибири. Он был фактически прямым политическим преемником первого сибирского правительства и Сибирской областной думы, будучи вызванным к жизни теми же политическими и общественными элементами, как эти два первых национальных института Сибири.

Совет начал работать в 1919 году, но его формирование шло постепенно вплоть до конца 1920 года, когда он наконец обрёл определённую форму и структуру. Его первым председателем был А.В. Сазонов, а членами президиума: И.А. Якушев, М.П. Головачёв, В.И. Моравский и А.А. Трутнев.

Тем временем катастрофическое развитие событий в Сибири полностью подтвердило, к сожалению, все сомнения и опасения в отношении омского правительства. В январе 1920 года правительство адмирала Колчака пало: большевики вновь захватили Сибирь за исключением

дальневосточной окраины, где борьба с ними продолжалась ещё два с лишним года.

Перед самым падением своего правительства адмирал Колчак особым указом передал верховную власть и права атаману Семёнову, который в течение некоторого времени пытался сохранить антисоветскую правительственную структуру, но тоже не сумел и в 1922 году был вынужден лишиться себя прав и власти и передать их Совету уполномоченных организаций автономной Сибири.

В октябре 1922 года Совет уполномоченных организаций автономной Сибири образовал новое (второе) сибирское правительство во Владивостоке. В конце 1922 года это правительство под давлением советских войск было вынуждено покинуть сибирскую территорию и уйти за границу, где самораспустилось, передав все свои права Совету.

В отличие от других русских антисоветских правительств и подобных им политических органов, сформированных в разных частях бывшей Российской империи в первый период революции (1917–1922), Совет уполномоченных организаций автономной Сибири не прекратил своего существования и после ухода с национальной территории. Несмотря на то, что многие его члены остались в Сибири, а те, что ушли за границу, оказались разбросанными по разным странам Азии, Европы и Америки, Совет сохранил свою цельность на протяжении всего времени, последовавшего после прекращения вооружённой борьбы с большевиками в России и Сибири.

Президиум Совета, который все эти годы оставался на Дальнем Востоке, постоянно поддерживал связь как можно с большим числом своих членов, причём не только с находившимися в пределах относительно лёгкой досягаемости на Дальнем Востоке, но и с теми, кто переселился в более отдалённые части земного шара и, что особенно необходимо и важно, с теми, кто остался в Сибири и в других частях советской территории.

Совет уделил особое внимание поддержанию связей (в условиях предельной секретности, разумеется) со своими членами и приверженцами в Сибири с тем, чтобы иметь достоверную, полученную из первых рук информацию относительно всего на самом деле происходящего на советской территории и в то же время сохранять там антикоммунистические элементы в наиболее организованном состоянии в условиях потенциального изменения ситуации.

А что до деятельности Совета за границей, то она определялась его прежде всего антикоммунистическим характером, что естественно сделало его объединяющим и руководящим центром не только для

многих приверженцев сибирского автономного движения, но и для ряда других антисоветских организаций среди русских эмигрантов.

Озабоченный бытовыми нуждами русских эмигрантов, Совет неоднократно предпринимал шаги для улучшения их материального положения; так, например, в 1932 году он подал в Лигу наций меморандум, предлагавший план организованной помощи русским эмигрантам, основанный на использовании значительных российских активов (денег и драгоценностей), хранящихся в банках разных стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуется впервые. Публ. Н.В. Моравского. Машинопись на англ. яз.: Hoover Institution Archives (Stanford, California, USA). Valerian Ivanovich Moravskii Collection. Outcard Number 5116-8. Коробка 2. Папка 37.

Совет уполномоченных организаций автономной Сибири как СОУАС: именно в такой форме это сокращение использовал в своих записях мой отец.

Н.В. Моравский

МОЙ ОТЕЦ ВАЛЕРИАН

Мой отец Валериан Иванович Моравский — выходец из обедневшей дворянской семьи, журналист и политик-антибольшевик, родился в местечке Единцы Бессарабской губернии 26 октября (по старому стилю) 1884 года, а умер в Шанхае, от кровоизлияния в мозг 8 января 1942 года в возрасте пятидесяти семи лет.

Детство и юность Валериан Моравский провёл в Бессарабии, но в зрелые годы, до Октябрьского переворота 1917 года, жил в Петербурге, где сотрудничал в газете «Речь», работал во время Первой мировой войны в министерстве земледелия, а при Временном правительстве — в министерстве продовольствия. В годы Гражданской войны он в рядах сибиряков-областников боролся с большевизмом в Сибири и на Дальнем Востоке, но в октябре 1922 года вынужден был навсегда покинуть родину.

Облик, характер и взгляды отца

Несмотря на то, что мне было всего восемнадцать лет, когда отец умер, я его хорошо помню, особенно в последние годы его жизни. Он был маленького роста, ни толстый, ни худой, с непропорционально большой головой, смуглый, с гладкой, натянутой, как барабан, кожей на лице, с тонкими губами, образующими большой, но красивый рот, с чисто выбритым лицом и лысой, бритой головой, скуластый, с крупным носом, с умным взглядом маленьких, но живых карих глаз. Он был очень опрятен и любил хорошо одеваться. Помню, как однажды, было это, должно быть, в начале тридцатых годов, когда у него появились деньги, что случалось не часто, он заказал себе у самого престижного и дорогого английского портного в Шанхае, Макбета Грея, комплект парадной одежды, состоявшей из белой рубашки с твёрдым крахмальным воротничком, чёрного галстука-бабочки, чёрной визитки с серыми брюками в чёрную полоску, чёрного пальто с белым кашне, пары лакированных туфель и чёрного цилиндра. У меня сохранился его фотопортрет в этой одежде, и выглядит он в ней весьма импозантно. Вообще, его осанистость и умение одеваться всегда придавали ему солидный вид.

Разволновавшись или увлекшись разговором, отец сильно жестикировал. Он много курил, в основном сигареты и папиросы, но не прочь был побаловаться и хорошей сигарой. Он любил вкусно поесть, но к спиртному относился безразлично. Он целыми днями пил горячий, крепкий и сладкий чай из стакана в подстаканнике.

Несмотря на свой либерализм, отец до конца дней придерживался дореволюционного правописания.

Отец обладал умением чётко и убедительно выражать свои мысли, особенно с глазу на глаз, в интимной беседе. Голос у него был низкий, мягкий, но, когда он сердился, в голосе появлялся металл, и обычно добрые глаза сверкали гневом в такие минуты. Дикция у отца была отличной, хотя произношение некоторых слов выдавало его юго-западное происхождение: слово «сегодня», например, он произносил как «сэгодня», а «сердце» как «сэрдцэ». Ранние годы жизни, проведённые в Бессарабии, сказались на его пристрастии к мамалыге, хлебу из кукурузной муки. Крутую мамалыгу полагалось есть горячеей, с маслом и брынзой, и нарезать её нужно было ниткой. Отец готовил мамалыгу сам и торжественно её подавал. Другим отзвуком его детства и юности было выражение «румынский оркестр», которым он пользовался, чтобы развеселить меня, когда я впадал в уныние. «Ты что же, хочешь, чтобы я вызвал к тебе румынский оркестр?» — спрашивал он в таких случаях. Много лет спустя, в 1964 году, во время моей командировки в Румынию, я с улыбкой вспоминал это выражение, слушая выступавшие в ресторанах оркестры. Особого веселья, однако, их музыка у меня не вызывала.

Отец верил в лучшее будущее, был жизнерадостным, обаятельным, обходительным и обладал хорошими манерами и в то же время бывал сентиментальным, мнительным и суеверным. Он был добрым и отзывчивым, однако, как и все смертные, не лишён был недостатков: он не всегда сдерживал слово, бывал не пунктуален, затягивал исполнение дел. Самым же серьёзным его недостатком было легкомысленное обращение с деньгами, и потому он иногда залезал в долги, которые не всегда аккуратно выплачивал.

Отец любил женщин, понимал их и относился к ним внимательно и уважительно. Они, в свою очередь, нередко отвечали ему взаимностью. До брака с моей матерью отец был женат, и у него было четверо детей от этого брака: две дочери и два сына, в чем я удостоверился во время своей поездки во Владивосток в 2000 году, когда встретился там с двумя племянниками, сыновьями моего старшего брата, и их семьями.

После бегства отца из Владивостока, в 1922 году, его связь с оставшимися там матерью и детьми прекратилась, но вскоре после этого он каким-то образом узнал о смерти матери, наступившей при очень тяжёлых материальных обстоятельствах.

С моей матерью, Еленой Семёновной (урожденной Поляковой), отец встретился во Владивостоке в разгар Гражданской войны, в 1919 году. Вскоре после знакомства с отцом она развелась со своим первым мужем, от которого у неё было двое детей, дочь и сын, и вышла замуж за отца. Роман и брак моих родителей — это история глубокой и самоотверженной любви. Отец и мать делили все радости и горести совместной жизни. В интеллектуальном отношении мать не уступала отцу, разделяла его взгляды и поддерживала его деятельность. Он же всегда окружал её уважением и вниманием и при любой возможности это проявлял, одаривая её цветами или подарками. Помню, как не то в конце 1932 года, не то в начале 1933-го, когда мы с мамой приехали в Харбин поездом, отец повёз нас прямо с вокзала в самый фешенебельный магазин Харбина «Чурин и К°», где купил маме роскошную шубу. Смерть матери от рака в 1935 году настолько потрясла отца, что он даже подумывал о самоубийстве, но отказался от этой мысли ради меня.

Во мне отец души не чаял, и я всей душой любил его и до сих пор свято чту его память. Я всегда был уверен, что отец не даст меня в обиду, выслушает, поймёт, успокоит, приласкает. Он никогда к физическому воздействию на меня не прибегал, апеллируя вместо этого к моей совести и разуму. И нас с ним объединяло какое-то особое родство душ: припоминаю, как, будучи ещё малышом, я тащил отца на улицу в дождливую осеннюю пору, чтобы покататься на рикше. Сидя на его коленях в покрытой брезентом коляске рикши и вслушиваясь в музыку барабанивших по брезентовой крыше дождевых капель, я мощно ощущал физическую, духовную и душевную близость отца; какие-то удивительно глубокие и благие переживания овладевали мной в эти молчаливые, созерцательные минуты. Позднее, уже школьником, боясь провалиться на экзамене, я лишился аппетита, плохо спал и вообще не мог найти себе места. Заметив это, отец, вызвав меня на откровенный разговор, сказал: «Так провались!». При этих словах гора спала с моих плеч, и экзамен я выдержал. Впоследствии я нередко вспоминал этот совет отца в минуты критических решений или испытаний. Будучи во многом типичным дореволюционным интеллигентом-разночинцем, отец разделял взгляды и чаяния народно-демократических деятелей и мыслителей своей эпохи, в числе которых был писатель-гуманист Влади-

мир Галактионович Короленко, чьи рассказы он мне часто читал в детстве. Отец, согласно интеллигентской шкале ценностей, презирал мещанство, подразумевая под этим словом людей с мелкими, чисто обывательскими интересами. Он также терпеть не мог торгашей-эксплуататоров, воплощённых в его представлении в слове «лабазник», слове, которое он произносил с каким-то особым отвращением. Отец не занимался спортом и относился к физкультуре скептически. Поэтому его встревожило моё чрезмерное увлечение футболом и поднятием гирь, и он тщетно пытался уверить меня, что, наряду с развитием бицепсов, неплохо было бы развивать и ум.

В отличие от многих русских эмигрантов-дальневосточников, выходящих из российской провинции, не успевших созреть интеллектуально до бегства с родины, отец попал в эмиграцию зрелым человеком столичной закваски. Прожив в Петербурге с начала века до Октябрьского переворота 1917 года, он впитал в себя культурные богатства столицы и приобрёл солидный журналистский и общественно-политический опыт. До конца жизни он скучал по Петербургу и часто его вспоминал. Он всегда называл его Петербургом, никогда Петроградом и тем более Ленинградом. А бежав из Петрограда на восток в конце 1917 года, он принял активное участие в политической жизни Сибири и Дальнего Востока.

В эмиграции, с 1922 по 1942 год, большую часть времени отец жил с семьёй в Шанхае. Он не служил, а работал самостоятельно, что выражалось в отсутствии постоянного заработка и нередко обрекало нашу семью на полуголодное существование. Но связывать себя службой он не хотел, потому что всецело посвятил себя борьбе с большевизмом. Он отвергал большевизм не с правых, а с левых позиций; он не желал восстановления российской монархии, как о том мечтали многие русские эмигранты, а был сторонником Февральской революции и обличал большевиков за свержение Временного правительства, разгон Учредительного собрания и развязывание Гражданской войны. Он подчёркивал, что узурпацией власти и установлением кровавой диктатуры большевики попрали идеалы свободы и народоправства, за которые поколениями боролись лучшие представители российской интеллигенции.

Отец жил и дышал политикой. Он пытался следить за всем происходившим в СССР, собирая информацию из самых различных источников. Он даже ходил со мной в находившийся где-то на шанхайских задворках убогий кинотеатр «Айзис», в котором демонстрировались советские фильмы. Он мыслил глобально, не рассматривая российские политические, экономические и социальные проблемы в отрыве от ми-

ровых событий. Он обладал хорошим политическим чутьём, умело вёл делопроизводство, тщательно собирал архивный материал и набил руку на составлении писем, отчетов, меморандумов и программно-идеологических документов, что видно по его архиву, находящемуся в Гуверовском институте войны, революции и мира в Калифорнии.

Отец был франкофилом и, несмотря на незнание языка, знал и любил культуру Франции, чья политическая традиция, покоящаяся на принципах свободы личности, равноправия и народовластия, провозглашённых Французской революцией в «Декларации прав человека и гражданина», служила ему путеводной идеологической звездой. На практике франкофильство отца проявлялось, в частности, в том, что он определил меня во французский муниципальный колледж в Шанхае. Он сделал это, считая французскую образовательную систему лучшей в мире, которая даст мне солидные знания, и, что ещё важнее, разовьёт во мне критическое мышление, заложив основу моей подготовки к служению посткоммунистической и демократической России в качестве дипломата. Напомню, что до Второй мировой войны французский язык был единственным дипломатическим языком, а надежда отца на то, что я стану российским дипломатом, основывалась на его вере в скорое крушение большевизма и наше возвращение на родину, которую он страстно любил и по которой мучительно тосковал.

Свое франкофильство отец сочетал с американофильством. Он высоко ценил уникальность американской жизни и характера, американский размах и особенно американскую демократию. Он видел в президенте Франклине Д. Рузвельте умного и дальновидного государственного деятеля, который своей политикой «Нового курса» уберёт США от коммунистической заразы. Положительное отношение отца к американской демократии и к президенту Рузвельту контрастировало с мнением некоторых русских эмигрантов-дальневосточников, презиравших, как они выражались, американскую «дерьмократию» и считавших Рузвельта жидомасоном или их ставленником. Им импонировала «сильная и здоровая» японская империя, наводящая порядок у себя дома и на захваченных ею территориях. Японская монархия со стоящим во главе её императором была родственна, по их мнению, исконно русскому духу и, следовательно, российскому самодержавию. Это обстоятельство в сочетании с японской политикой «бескомпромиссного антикоммунизма», утверждали они, превращало императорскую Японию в естественного союзника русских антикоммунистов, которым она якобы поможет по-братски и бескорыстно освободить родину от красных поработителей. Импонировал этим русским эмигрантам и вышедший на мировую

арену нацизм. Гитлер, говорили они, очищает Германию от «паршивых жидов» и ведёт беспощадную борьбу с Коминтерном. Главным носителем пронацистских идей среди российских эмигрантов на Дальнем Востоке была в 1930-е и 1940-е годы Русская фашистская партия. У отца же книга Гитлера «Моя борьба» вызвала отвращение, убедив его в том, что Гитлер и гитлеризм представляют собой смертельную опасность для России и русского народа. Той же точки зрения придерживались и многие другие деятели российского зарубежья.

Западническая ориентация отца несколько не мешала ему быть до мозга костей русским — он любил Россию, русский народ, русскую культуру, русский язык. Он болезненно реагировал на любое оскорбление русского достоинства. Мне в связи с этим припоминается такой случай из его жизни: оказавшись как-то, ещё до Первой мировой войны, на бухарестском вокзале, отец услышал разговор двух румын, один из которых встречал своего друга, только что вернувшегося из России. В ответ на вопрос встречавшего: «Откуда приехал?» — приехавший ответил: «Из свинятины». Реакция отца на эту реплику была мгновенной и решительной: подбежав к произнесшему её румыну, он отвесил ему пощёчину. Хочу подчеркнуть, однако, что отец совмещал русский патриотизм с терпимым и уважительным отношением к другим национальностям и вероисповеданиям.

Отец был верующим православным, во всяком случае в последние годы жизни. Ему близки были христианские идеалы: любовь к ближнему, всепрощение, милосердие, сострадание. Но он не признавал церковный формализм, говоря, что Господь Бог не чиновник, который только и делает, что следит за тем, сколько раз человек ходит в церковь, сколько раз исповедуеться и причащается, сколько земных поклонов отбивает.

Отец хорошо знал и любил православное богослужение. Однажды на Страстной неделе, незадолго до его смерти, мы с ним оказались в большом русском православном соборе в Шанхае на улице Поль Анри. Служил епископ Иоанн Шанхайский в сослужении с духовенством собора. Служили по монастырскому уставу, и потому служба была особенно длинной. Выстояв службу, отец был потрясён тем, как проникновенно и искренне владыка служил, и, расчувствовавшись, сказал мне: «Он сейчас умирает вместе с Христом, он схимник!» И действительно владыка Иоанн был схимником в буквальном смысле этого слова, он постоянно молился и постился, отказывал себе во всех мирских благах и всегда заботился о ближних. Он проявлял огромную

энергию и умение в благотворительных начинаниях. В числе его многих заслуг — создание приюта Святого Тихона Задонского, в котором он собрал осиротевших мальчиков-китайцев, кормил их, одевал и давал им русское православное образование. Владыка Иоанн также сыграл большую роль в деле переселения в США, в начале 1950-х годов, русских эмигрантов из Китая, оказавшихся на Филиппинах после их эвакуации из Шанхая до его взятия красными китайцами в 1949 году.

Выше я упомянул о том, что отец хорошо знал православное богослужение. Объясняется это тем, что он рос в православной среде и учился в бурсе, как в те времена назывались духовные семинарии. Его мать-вдова определила Валериана, своего старшего сына, в бурсу потому, что это было ближайшее и самое доступное учебное заведение в бессарабском местечке Единцы, где она жила с четырьмя детьми — двумя сыновьями и двумя дочерьми. Бурса, в которой учился мой отец, как и та, что описал в своих «Очерках бурсы» Николай Помяловский, культурностью нравов не отличалась. И нравы эти отец ощутил на себе в первый же день своего присутствия в бурсе, где к нему подошёл какой-то бурсак и спросил, как звали трёх сыновей Ноя. «Сим, Хам и Афет», — доверчиво ответил отец. Услышав ответ отца, бурсак вскричал: «И на тебе конфет!», — заломил отцу правую руку за спину и, ударив кулаком по ней, отобрал у него свёрток с бутербродами, которыми его снабдила мать. Этот «ритуал» продолжался до того дня, пока отец, вооружившись самодельным шилом, не вонзил его в зад наглому бурсаку. Чаще всего, однако, конфликты в бурсе возникали не между бурсаками, а между ними и их надзирателями, которые не стеснялись заниматься рукоприкладством. Но подопечные не оставались в долгу и устраивали этим надзирателям «тёмную», то есть избивали их, набрасывая на головы шинели, чтобы те не могли опознать нападавших. Малокультурной обстановке в бурсе соответствовала её учебная программа, никак не отвечающая интеллектуальным и жизненным потребностям учащихся.

Усвоив свой горький бурсацкий опыт и желая претворить в жизнь приверженность к прогрессивному просвещению, отец попытался однажды создать для меня наиболее благоприятные учебные и воспитательные условия. Произошло это в 1933 году в Харбине, где отец, мать и я тогда жили. Программа, по которой я учился и воспитывался, заключалась прежде всего в том, что в школу я не ходил. Вместо этого к нам на дом каждый будний день утром приходила учительница французского языка. После урока французского, который продолжался один

час, учительницу французского языка заменял на остаток дня до вечера молодой репетитор. Он проходил со мной арифметику, русский и английский языки, русскую литературу и историю, географию и прочее. Прослушивали мы с ним и грампластинки, в основном классику, но не только её. Из этой музыки мне почему-то запомнился «Авиамарш» (с 1933 года марш ВВС):

Всё выше и выше и выше
Стремим мы полёт наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Но, помимо занятий на дому, мы с репетитором посещали магазины, скверы, стадион, выставки и другие места. Эти культпоходы мой репетитор сопровождал подробными пояснениями. А в свободное от занятий и культпоходов время я резвился на залитом для моего личного пользования катке, находившемся на небольшом участке большого и красивого сада.

Привилегированные условия моей жизни и учебы в 1933 году в Харбине отражали высокий материальный уровень жизни нашей семьи, который отцу удалось обеспечить благодаря издававшейся им ежедневной «Нашей газете». Но с закрытием этой газеты, просуществовавшей всего несколько месяцев в 1933 году, исчезли учительница французского языка, репетитор, персональный каток, большой и роскошный дом с паркетными полами, элегантной мебелью и радиолой, автомобиль с шофёром, кухарка, которая, помимо всего прочего, готовила какой-то совершенно потрясающий пломбир, и молоденькая миловидная горничная. Этот недолгий харбинский отрезок нашей жизни ярко запечатлелся в моей памяти, потому что ни до, ни после него мы так хорошо не жили.

После закрытия «Нашей газеты» отец срочно вернулся в Шанхай, а мы с мамой, переехав в одну комнату, прожили, нуждаясь, ещё некоторое время в Харбине. В этот период я учился в местном русском Коммерческом училище. Затем, по возвращении в Шанхай, меня вновь определили во Французский муниципальный коллеж.

До того, как я родился в 1923 году, отец успел пройти большой и, пожалуй, самый продуктивный этап своего жизненного пути.

Петербург-Петроград. Февраль и Октябрь 1917 года. Сибирские областники. Начало антибольшевистской борьбы в Сибири

Окончив бурсу в местечке Единцы, отец уехал в Петербург, где проучился несколько лет, сначала в Агрономическом институте, а затем в Институте восточных языков. Одновременно с учёбой он служил в статистическом отделе местного земства.

Журналистикой отец занялся ещё в студенческие годы и в 1908 году был зачислен в штат ежедневной петербургской газеты «Речь» — органа конституционно-демократической (кадетской) партии. Наряду с работой в «Речи» он печатался в московской газете «Русские ведомости» и в «Киевской мысли», а также в журналах «Современник», «Современный мир» и «Сибирские вопросы». Все перечисленные выше издания были либерального направления.

Совсем молодым человеком отец вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров) и в 1905 году был избран в районный комитет партии, но в 1906 году вышел из партии из-за несогласия с её политикой и программой. В том же 1906 году он был избран выборщиком по городу Петербургу в Государственную думу, а с 1905-го по 1907 год был связан со Всероссийским крестьянским союзом и с Комитетом помощи голодающим, работавшим под эгидой Вольного экономического общества. Напомню, что Вольное экономическое общество, пользовавшееся большой известностью и авторитетом в дореволюционной России, было основано в 1765 году и являлось старейшей русской организацией, занимавшейся изучением экономических проблем. За время своего существования общество выпустило двести восемьдесят томов сборника «Труды императорского Вольного экономического общества». Вокруг общества группировалась либеральная интеллигенция, и оно иногда подвергалось давлению со стороны царского правительства, но закрыло его советское правительство вскоре после Октябрьского переворота.

В 1912 году по приглашению министерства путей сообщения отец участвовал в экономическом исследовании района Южно-Сибирской железной дороги и, позднее, линии Оренбург-Царицинской железной дороги. Эти его работы были опубликованы в специальных сборниках, посвящённых экономическому обзору указанных районов. В 1915 году

отец был командирован тем же министерством на Мурманскую железную дорогу, чтобы выяснить, как ведутся там строительные работы и каковы экономические условия в районе этой дороги. В то время Мурманская железная дорога играла особенно важную роль, потому что по ней доставлялись грузы, предназначенные для российской армии.

В период своей работы в газете «Речь» отец был зачислен в 1916 году в министерство земледелия, где его и застала Февральская революция. В одной из записей об этом событии он замечает, что петроградские чиновники, без которых Временное правительство не могло бы просуществовать, «приняли революцию и, в большинстве, с большим, чем до революции, подъёмом повели работу центральных учреждений империи» [1. Коробка 12. Папка 247. С. 1]. В записи, относящейся к тому же периоду, он сообщает о торжественном обеде, устроенном в редакции газеты «Речь», на котором, в числе других, присутствовали главный редактор «Речи» и первый министр иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюков и прославившийся впоследствии Корней Чуковский. На обеде в «Речи», пишет отец, «К.И. Чуковский читал только что им написанную первую часть рассказа “Крокодил”» [Там же].

В первые же дни Февральской революции отец был избран служащими министерства земледелия депутатом в Петроградский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, но спустя шесть недель снял с себя эту обязанность, усмотрев разрушительные тенденции в работе совета.

В 1917 году отца перевели из министерства земледелия в министерство продовольствия, где он оказался очевидцем Октябрьского переворота. Отец описывает попытку большевиков взять под контроль министерство продовольствия. Отбив их первую атаку, министерство продолжало работать до ареста его руководящих сотрудников Ф.Э. Дзержинским через тринадцать дней после переворота, 20 ноября 1917 года¹.

В Смольном арестованных допрашивали всю ночь, но на следующее утро выпустили. В архиве отца я не нашёл описания допроса, удивляет однако то, что большевики так быстро освободили задержанных, видимо, они ещё не чувствовали достаточной уверенности в себе, не успели ещё укрепиться. Отец же решил не дожидаться повторного ареста и срочно уехал в Сибирь. С этого времени начинается его активная борьба с большевизмом в рядах сибиряков-областников.

¹ Подробно см. с. 10.

Связи отца с Сибирью завязались ещё до Первой мировой войны, когда он стал членом Общества по изучению и развитию Сибири и неоднократно туда ездил. Кроме того, как я уже упомянул, он сотрудничал в журнале «Сибирские вопросы». Сибирь и сибиряков отец полюбил при первом же знакомстве с ними.

В марте 1917 года отец примкнул к инициативной группе сибиряков-областников в Петрограде и по их поручению обратился к общественным и национальным сибирским организациям с просьбой обсудить вопрос об организации власти в Сибири и направить свои соображения по этому поводу в Петроград. В ответ на это обращение последовало следующее заявление Народного собрания Сибири, состоявшегося в городе Томске 10 мая 1917 года: «В заседании своём 10-го мая 1917 года Народное Собрание в г. Томске признало, что Сибирь, ввиду её географической обособленности от Европейской России, ввиду своей обширности и совершенно особенных этнографических и других местных условий, должна получить право широкого самоуправления, не нарушая своей органической связи с Российской Республикой. Сибирь должна иметь свою Всесибирскую областную Думу, которая будет издавать законы, касающиеся внутренней жизни Сибири; в общегосударственных же вопросах Сибирь должна подчиняться общероссийским законам» [1. Коробка 10. Папка 43. С. 1].

Стремясь добиться «широкого самоуправления» Сибири, то есть её автономии, сибирские областники говорили о необходимости «организовать собственное управление и местное законодательство в наибольшее согласие с интересами и желаниями местного населения». А местное население, подчёркивали они, демократично по своему составу, ибо состоит, главным образом, из крестьян, казаков и инородцев.

«Сибирь, — писал один из идеологов сибирского областничества И.И. Серебренников, — это крестьянское царство, мужицкое море. Здесь не сложился класс крупных поместных землевладельцев, нет дворянства»; своеобразие условий сибирской жизни, продолжал тот же автор, создавалось и национальной пестротой населения, среди которого, помимо русских, составлявших большинство, имелись различные представители турецко-татарского, монгольского, тунгусского, финского, самоедского и других племён; наконец, «стремления сибиряков к областничеству, — утверждал Серебренников, — опираются на условия исторического развития Сибири, не знавшей в виде правила крепостного права, и на физико-географические особенности нашей окраины, в

которых надо искать причины обособления сибирского населения как в физическом, так и в духовном отношении» [2. С. 9].

Сибиряки-областники выдвинули и ряд конкретных социально-экономических требований, в числе которых были:

1. Отмена ссылки в Сибири, что они считали вопросом первостепенной важности. Хотя ссылка в Сибирь была отменена Временным правительством, областники требовали гарантий, что это явление никогда не повторится.

2. Создание условий для развития местной промышленности в противовес исключительного использования Сибири в качестве сырьевой базы.

3. Создание условий для удержания в Сибири интеллигенции и для насаждения в ней высшего образования. Областники гордились тем, что благодаря их агитации был открыт Томский университет (в 1888 году), но его открытие не остановило отлива интеллигенции из края.

4. Создание условий для сохранения и развития инородческого населения.

5. Пробуждение интереса к местной общественной жизни, воспитание чувства местного патриотизма.

Говоря об отношениях Сибири с Россией, Серебренников подчёркивал, что «сибиряки не имеют в виду отделяться от России и поэтому когда говорят об автономии Сибири, то тем самым подразумевают, что автономная Сибирь входит в состав Российского государства» [2. С. 2].

При рассмотрении сибирского областничества необходимо иметь в виду, что оно было политическим движением, а не политической партией. Движение сибиряков-областников состояло в основном из сибирской интеллигенции, но в годы Гражданской войны оно пополнилось выходцами из Европейской России, в числе которых оказался мой отец. Поскольку сибирское областничество было движением, а не партией, в него входили представители разных политических партий и течений, а также и беспартийные. Среди партийных преобладали социалисты-революционеры (эсеры), потому что они считались защитниками интересов крестьянства, которое составляло подавляющее большинство населения Сибири в те годы. Центром сибирского областничества был Томский университет.

Вслед за вышеупомянутым сибирским Народным собранием, состоявшемся в Томске 10 мая 1917 года, 2 августа того же года и в том же городе состоялась Предварительная конференция общественных деятелей Сибири в количестве 67 представителей областей и губерний — Акмолинской, Томской, Енисейской, Семипалатинской, Иркутской,

Алтайской и Западно-Сибирского объединения горнорабочих, — выработавшая «Положение о Первом сибирском областном съезде». Затем, в Томске же, в октябре, открылся Первый сибирский областной съезд в количестве 169 делегатов от 171 общественных, политических и других организаций Сибири. На этом съезде было объявлено «Положение об областном устройстве Сибири» и выработано «Положение об учредительном сибирском областном съезде». Прошедший вскоре после Первого сибирского областного съезда Октябрьский переворот встревожил сибирских областников, отреагировавших на него созывом Чрезвычайного общесибирского съезда, который открылся в Томске 6 декабря 1917 года в количестве 150 делегатов, представлявших следующие организации: Центральный сибирский организационный комитет, Исполнительный комитет Первого сибирского областного центра, Сибирского областного совета и Сибирского экономического бюро, земские самоуправления, городские самоуправления, союзы кооперативов, национальные организации, продовольственные комитеты, земельные комитеты, Советы крестьянских депутатов, Советы солдатских и рабочих депутатов, железнодорожные профессиональные союзы, почтово-телеграфные профессиональные союзы, казацкие войска, высшие учебные заведения, действующую армию, Иркутский союз областников-автономистов.

15 декабря 1917 года Чрезвычайный общесибирский съезд избрал Временный сибирский областной совет, в состав которого вошли председатель и один из основоположников сибирского областничества Г.Н. Потанин и членами: П.Я. Дербер, А.Е. Новосёлов, Г.Б. Патушинский, М.Б. Шатилов, А.А. Ермаков, управляющий делами Е.В. Захаров. Позднее управляющим делами был назначен В.И. Моравский, а Е.В. Захаров стал представителем областного совета на Дальнем Востоке.

Чрезвычайный общесибирский съезд и Временный сибирский областной совет, вызванные к жизни свободным и демократическим волеизъявлением значительной части сибирской общественности, положили начало антибольшевистской борьбе в Сибири. Большевистской диктатуре сибиряки противопоставили демократию, и, в отличие от некоторых районов Европейской России, где антибольшевистскую борьбу возглавили бывшие царские генералы, в Сибири эту борьбу возглавили, до прихода к власти адмирала А.В. Колчака в ноябре 1918 года, гражданские лица, избранные различными группами населения и организациями представлять их интересы.

В своих воспоминаниях о деятельности Временного Сибирского областного совета, являвшегося фактически первым сибирским правительством, отец писал: «Условия, в которых Временному сибирскому областному совету приходилось развёртывать свою деятельность, были исключительно тяжёлыми. Начавшаяся уже в Сибири Гражданская война, полная дезорганизация хозяйственной жизни, полная финансовая необеспеченность первого правительства Сибири (подразумевается Временный сибирский областной совет), отсутствие какого-либо правительственного аппарата, в том числе и вооружённых сил, на которые в своей деятельности мог бы опереться Временный сибирский областной совет, делали, казалось, совершенно неисполнимыми возложенные на сибирский совет задачи.

15 декабря Чрезвычайный съезд избрал Временный сибирский областной совет, а 16 декабря в 11 часов утра состоялось первое его заседание.

Две главнейшие задачи стояли перед Временным сибирским областным советом — организация общественных сил и организация воинских частей, на которые, окружённый со всех сторон захватившими уже власть в Томске большевиками, мог бы опереться в своей деятельности Временный сибирский областной совет.

Организация общественных сил лучше всего или легче всего могла быть произведена вокруг Сибирской областной думы и поэтому, естественно, отмечая всё второстепенное, жертвуя иногда и серьёзными интересами сегодняшнего дня, Сибирский областной совет в первую очередь принял меры к скорейшему созыву Сибирской областной думы.

В первом же заседании своём Временный сибирский областной совет постановил: назначить открытие Сибирской областной думы на 7 января 1918 года. В том же заседании Временный сибирский областной совет постановил обратиться к населению Сибири с изложением ближайших задач совета...» [1. Коробка 10. Папка 43. С. 1].

В обращении Временного сибирского областного совета к населению Сибири говорилось: «В эпоху безвластия, в эпоху распада государства Российского, Временный Сибирский Областной Совет, волею Чрезвычайного Съезда народов Сибири, советов, земств, городов, принял на себя высокое ответственное обязательство возможно скорого осуществления Автономии Великой Сибири.

Первой главной задачей Совета является: созыв Временной Сибирской Областной Думы. Сибирская Областная Дума в согласии со Всероссийским Учредительным Собранием примет на себя верховную в Сибири власть. Срок созыва Думы седьмое января 1918 года.

Временный Сибирский Совет подготовит выборы во Всесибирское Учредительное Собрание. Всесибирское Учредительное Собрание определит порядок управления Сибири как автономной части Российской демократической республики.

Временный Сибирский Областной Совет именем свободной отныне Сибири, призывает к полному немедленному прекращению гражданской войны, призывает весь сибирский народ не ослаблять общереволюционного фронта и в то же время встать на защиту Сибирской власти, на борьбу за Всесибирское Учредительное Собрание.

Сибирское Учредительное Собрание осуществит переход земель в общенародное пользование, без выкупа; организует народное хозяйство в интересах трудящихся; приведёт Сибирь в согласии со Всероссийским Учредительным Собранием к всеобщему демократическому миру; утвердит начало самоопределения всех народов Сибири» [З. № 3. 1928. С. 11].

Это обращение Временного сибирского областного совета (ВСОС) к населению Сибири получило широкую огласку и вызвало поток телеграмм от частных и должностных лиц, от различных учреждений и общественных организаций, адресованных Совету и выражавших ему поддержку. Поддержали ВСОС и города: Барнаул, Курган, Николаевск-на-Амуре, Ново-Николаевск, Семипалатинск, Тобольск и Якутск, а также некоторые сибирские части из действующей армии.

Поскольку первоочередной задачей ВСОСа был созыв Сибирской областной думы, то есть Сибирского парламента, ВСОС немедленно отправил телеграммы в города, которые имели право направлять своих депутатов в Думу. Телеграммы были посланы и всем находившимся на фронте сибирским частям, равно как и советам, национальным организациям, железнодорожным и почтово-телеграфным союзам, казачьим войскам и проч. В то же время Сибирское юридическое совещание, состоявшее из местных юристов и профессоров, занялось составлением наказа Сибирской областной думе.

Во всех крупных и некоторых мелких городах Сибири ВСОС учредил политические эмиссариаты, задачами которых были: во-первых, организация сибирского общества, ознакомление его с областнической работой, указание ему пути в борьбе за сибирскую автономию; во-вторых, установление связи между населением и Сибирской областной думой, а также согласование деятельности общественных учреждений с деятельностью органов сибирской власти; в-третьих, подготовка к проведению выборов в Сибирское учредительное собрание по всей территории Сибири.

Параллельно с ВСОС вели свою работу подчиненные ему и упомянутые выше Финансово-экономический, Национальный и Военный советы.

Финансово-экономический совет при ВСОСе состоял из следующих лиц: председателя, профессора Томского университета, С.П. Никонова, и членов Н.И. Больтенко, Н.И. Грибанова, В.Я. Нагнибеды и В.Т. Тибер-Петрова. Впоследствии состав Финансово-экономического совета пополнился профессорами Томского университета Н.Я. Новомбергским и Н.П. Гудковым, инспектором кооперации К.Д. Логиновским, общественником И.А. Якушевым и др. Финансово-экономический совет связался со всеми экономическими центрами и учреждениями Сибири, занялся подготовкой материалов для работы Сибирской областной думы, изучением экономической жизни Сибири и разработкой экономических мероприятий, направленных на использование производительных сил края и на создание сибирской казны. Результатом деятельности Финансово-экономического совета стал, прежде всего, проект сибирского бюджета, подлежащий внесению в Сибирскую областную думу.

Национальный совет при ВСОСе составлялся из представителей рассеянных национальностей и организованных туземных племён Сибири. Избранными в Национальный совет оказались: алтаец Г.М. Токмашев, татарин Г.Ш. Неометулов и украинец В.А. Строкан. Позднее в совет дополнительно вошли: якут Г.Г. Колесов, бурят Ин. Трубочеев и хакас Окунев.

В Военный совет при ВСОСе были избраны: атаман Енисейского казачьего войска А.А. Сотников, председатель Центральной мусульманской военной комиссии Ю.И. Саиев и товарищ председателя Всероссийского совета крестьянских депутатов солдат С.А. Кудрявцев.

Главной задачей Военного совета при ВСОСе являлось создание вооружённых сил автономной Сибири. Поначалу сибирские областники рассчитывали организовать сибирскую армию из находившихся на фронте сибирских частей, которые предполагалось перебросить в Сибирь полными боевыми единицами. Но, чтобы попасть в Сибирь, сибирским фронтовикам нужно было проехать по обольшевиченной России, где их разоружали, подвергали пропагандной обработке и распыляли. В результате немногие добирались до Временного совета. Поэтому необходимо было изыскивать новые пути для создания надёжных сибирских воинских частей, что произошло после разгона большевиками Всероссийского Учредительного собрания в Петрограде 7 января 1918 года.

Сибирские областники считали, что после Октябрьского переворота единственным выходом из создавшегося положения должна быть передача большевиками власти в центре Всероссийскому Учредительному собранию, а в Сибири — Сибирской областной думе. Поэтому разгон большевиками Всероссийского Учредительного собрания вызвал у сибирских областников глубокое возмущение, отражённое в телеграмме, отправленной ВСОСом 7 января большевистскому Совету народных комиссаров. В этой телеграмме, подписанной П.Я. Дербером и Е.В. Захаровым, говорилось: «Узурпация власти Учредительного собрания народными комиссарами приведёт к крайнему обострению в отношениях Сибири с Петроградом. Власти узурпаторов Сибири не признает» [3. № 3. 1928. С. 21].

Разгон Учредительного собрания вынудил ВСОС начать срочную подготовку к вооружённой борьбе с большевиками, и с этой целью Военный совет при ВСОСе образовал и обеспечил финансовыми средствами сеть подпольных военных организаций, охватившую крупные сибирские города. В своих действиях эти организации руководствовались инструкциями Западно-Сибирского штаба по формированию военных сил.

В записи, датированной январем 1918 года, отец следующими словами описывает встречу с членами подпольной военной организации в Томске: «После совещания все разъехались. Я, как было решено, в сопровождении Завинского, поехал в штаб томской военной группы.

В небольшой комнате, кроме штабных, собралось человек двадцать офицеров. В большинстве это были ещё совсем молодые офицеры в чине подпоручика и поручика, редко штабс-капитана и капитана. И только один из них был в чине подполковника (Вишневикий).

Как я потом убедился, в составе наших военных организаций были исключительно младшие офицеры. Полковники и генералы участия в черновой работе военных организаций в Сибири не принимали.

Тем энергичнее потом, когда произошёл переворот и была свергнута в Сибири власть большевиков, высшие чины армии требовали предоставления им командных постов» [1. Коробка 12. Папка 247. С. 2].

Подпольные военные организации стали костяком будущей Сибирской армии, которая ставила своей целью свержение большевиков в Сибири и установление в ней автономного и демократического строя. В соответствии с этим Сибирская армия должна была быть демократической по своему характеру и потому её форма отличалась от формы царской армии тем, что у неё не было погон. Напомним, что погоны в

то время играли существенную психологическую роль, ибо считались символом царизма, то есть символом антинародной власти, которая при народной поддержке или, во всяком случае, без сопротивления народа, рухнула в марте 1917 года. Вместо погон сибирские солдаты и офицеры носили белые и зелёные ленточки и бело-зелёные кокарды на фуражках, отображавшие цвета сибирского флага. Белая полоса флага символизировала сибирские снега, а зелёная — сибирскую тайгу.

Тем временем обстановка в Томске, где базировался ВСОС, становилась всё более напряжённой. Это обстоятельство было вызвано двоевластием, так как наряду с ВСОСом в том же городе энергично действовал большевистский Совет рабочих и солдатских депутатов, объявивший сибиряков-областников контрреволюционерами. С целью преодоления двоевластия ВСОС предложил Совету рабочих и солдатских депутатов принять участие в выборах в Сибирскую областную думу. Но это решение ВСОСа вызвало уход его председателя Г.Н. Потанина, мотивировавшего свой поступок тем, что он не мог «изменить продолжавшегося тяготения своих товарищей по Совету в сторону большевизма» [З. № 3. 1928. С. 20]. Несмотря на несогласие областников с этим утверждением Потанина, его уход нанёс сильный удар по ВСОСу, потому что Потанин был одним из основоположников сибирского областничества и пользовался широкой известностью и авторитетом в Сибири.

Подобно большинству сибирских областников, мой отец глубоко уважал Потанина и разделял его взгляды. Однако в вопросе о предложении Совету рабочих и солдатских депутатов принять участие в выборах в Сибирскую областную думу мнение отца расходилось с мнением Потанина. Поддерживая предложение ВСОСа, отец писал: «В обращении к Советам рабочих и солдатских депутатов Временный сибирский областной совет указывал, что Советы рабочих и солдатских депутатов должны воспользоваться правом посылки своих депутатов в Сибирскую областную думу в целях поддержки Учредительного собрания и областной думы, которые являются органами “всей народной воли, органами управления” и преследуют задачи государственные, общенациональные, в то время как Советы рабочих и солдатских депутатов “ставят классовые цели движению рабочей и крестьянской демократии”.

Расчёты Временного сибирского областного совета на Советы рабочих и солдатских депутатов, как это подтвердили выборы в Областную думу, оказались правильными. Делегированные этими Советами в Сибирскую Областную думу депутаты явились сторонниками сибирского народовластия, и многие из них вели впоследствии энергичную борьбу с коммунистическим своевластием...» [1. Коробка 10. Папка 43. С. 2].

Разгон большевиками Сибирской областной думы. Тайное заседание думы. Избрание сибирского правительства. Отъезд правительства на Восток

Временный сибирский областной совет назначил открытие Сибирской областной думы в Томске на 7 января 1918 года (по старому стилю), но открытие Думы в этот день не состоялось, потому что большинство её депутатов не успело к этому сроку добраться до Томска. К 20 января, однако, в городе собралось 78 депутатов, которые по партийной принадлежности распределялись следующим образом: 56 эсеров, 10 народных социалистов, 5 социал-демократов, 2 польских социалиста, 1 автономист-федералист, 2 беспартийных и 2 не указавших партийной принадлежности. То, что большинство этих депутатов были членами левых политических партий, соответствовало декларации Чрезвычайного общесибирского съезда от 15 декабря 1917 года (по старому стилю), в которой говорилось: «Создать, во имя спасения Сибири, общесибирскую, социалистическую, от народных социалистов до большевиков включительно с представительством национальностей, власть в лице Сибирской Областной думы и Областного Совета, ответственного перед Областной Думой» [3. № 2. 1927. С. 38]. Как видно из вышеприведённого перечня партийной принадлежности членов Думы, большевиков среди них не было. Не было среди них и представителей правых партий.

На межфракционном совещании находившиеся в Томске депутаты назначили открытие Думы на 2 февраля (по старому стилю), но большевики опередили это событие: по приказу возглавляемого ими Томского совета рабочих и солдатских депутатов они объявили членов Думы «врагами народа» и в ночь на 26 января (по старому стилю) произвели обыски в гостиницах «Европа» и «Россия» и на частных квартирах, где остановились депутаты Думы. Кроме того, они арестовали 16 членов Думы и 2 членов ВСОСа, изъяли из канцелярии ВСОСа, находившейся в здании библиотеки Томского университета, делопроизводственные документы Думы, различные печатные материалы и канцелярские принадлежности. Арестованных членов Думы и ВСОСа отправили в Красноярск, где большинство из них находилось в тюремном заключении до освобождения города от большевиков 20 июня 1918 года.

Тем временем избежавшие ареста депутаты Думы, включая моего отца, продолжали работу. С утра 28 января на различных квартирах начались тайные заседания думских фракций, а в 9 вечера в помеще-

нии уездной продовольственной управы состоялось официальное открытие Думы в присутствии более сорока её членов. Заседание открыл старейший из присутствовавших депутатов — представитель Алтайского совета крестьянских депутатов Малахов. Затем выступил заместитель председателя ВСОСа П.Я. Дербер, обрисовавший текущее положение в Сибири. После речи Дербера был избран президиум Думы, в который вошли: председателем И.А. Якушев, находившийся тогда в красноярской тюрьме, и товарищами председателя С.П. Никонов, Лазбенник-Лазбенко и С.С. Романовский, а секретарями Войтенко, Иванов-Мартынов и Э.Н. Шкундин.

Вслед за избранием президиума Думы с речами выступили представители думских фракций, после чего было принято постановление о создании сибирской добровольческой армии и избрано Временное правительство автономной Сибири. Так как список членов правительства был составлен заранее и утверждён согласительной комиссией, то Думе нужно было только пробаллотировать его. При голосовании не было ни воздержавшихся, ни голосов против.

В состав Временного правительства автономной Сибири вошли: председатель и временно министр земледелия и колонизации П.Я. Дербер, государственный секретарь В.И. Моравский, государственный контролёр Н.Е. Жернаков, министры — внешних сношений П.В. Вологодский, финансов И.А. Михайлов, туземных дел В.Т. Тибер-Петров, юстиции Г.Б. Патушинский, снабжений И.И. Серебренников, народного просвещения Д. Ринчино, народного здоровья В.М. Крутовский, самоуправлений А.Е. Новосёлов, военный А.А. Краковецкий, торговли и промышленности М.А. Колобов, путей сообщений Л.А. Устругов, экстерриториальных народностей Д.Г. Сулим, труда и социальных реформ И.С. Юдин, министры без портфелей М.Б. Шатилов, Е.В. Захаров, Г.Ш. Неометулов и С.А. Кудрявцев.

На тайном заседании Думы присутствовали следующие члены правительства: Дербер, Моравский, Юдин, Тибер-Петров, Шатилов, Неометулов, Кудрявцев. Двое членов правительства, Патушинский и Жернаков, были в числе арестованных большевиками в ночь на 26 января и находились в это время в красноярской тюрьме, ничего не зная о тайном заседании Думы. А Захаров и Устругов были на Дальнем Востоке, куда их командировал ВСОС. Остальные члены правительства, отсутствовавшие при его избрании, находились в разных районах Сибири.

Тайной заседание Сибирской областной думы, открывшееся 28 января 1918 года, продолжалось всю ночь. И чтобы не привлекать

внимание посторонних, комнаты, выходявшие окнами на улицу, не освещались. Поэтому большевики не сумели выследить депутатов, которые в восьмом часу утра разошлись по домам.

Через несколько дней после тайного заседания Думы томская газета «Путь народа» опубликовала декларацию Думы и её воззвание к населению Сибири. В декларации говорилось, что Дума прилагает все силы для скорейшего возобновления работ Всероссийского Учредительного собрания, признавшего законом о федеративном устройстве Российской демократической республики автономию Сибири и других частей государства, что «она примет все меры к незамедлительному созыву Сибирского учредительного собрания, которое явится опорой Всероссийского Учредительного собрания и будет строителем жизни трудящихся классов и народов Сибири» [3. № 3. 1928. С. 26].

В области внешней политики Дума «выразила свой решительный протест против сепаратного мира с Германией и, в случае заключения его большевиками, она ни в коей мере ни моральной, ни материальной ответственности за этот преступный шаг на себя не принимает» [Там же].

Во внутренней политике Дума придерживалась социалистической направленности, что явствует из нижеприводимых пунктов её декларации:

«1. В области земельных отношений — провести в жизнь принятый Всероссийским Учредительным Собранием закон о безвыкупном переходе всех помещичьих земель, а также всех частно-владельческих, казенных, удельных и других с водами, лесами и недрами в общенародное достояние, устанавливающий незыблемое право всякого трудящегося на землю.

2. В области добывающей и обрабатывающей промышленности — провести начало национализации копей, рудников и т.д. и организацию общественного контроля и регулировки.

3. В области финансовой и фискальной: а) создание в ближайшее время сибирского государственного эмиссионного банка, в задачи которого входит обслуживание кредитов трудового населения, главным образом крестьянства, а также в настоящий момент, ввиду расстройств денежного обращения и отсутствия денежных знаков, выпуск сибирских денежных знаков; б) установление государственного контроля над банковским делом для ограждения трудящихся от банковской спекуляции и эксплуатации; в) реорганизация налоговой системы на основе прямого и прогрессивного подоходного обложения с переложением налоговых тягот от беднейшего населения на имущие классы.

4. В области транспорта и товарообмена: а) восстановление разорванного железнодорожного транспорта, обеспечение железных до-

рог необходимыми материалами, техническим персоналом и финансами; б) создание правильного товарообмена с союзными государствами через Дальний Восток, главным образом, в деле снабжения Сибири предметами первой необходимости и сельского хозяйства.

5. В области наёмного труда: осуществление в пределах основных общегосударственных законов 8-часового рабочего дня, минимума заработной платы, всех видов социального страхования и т.д. В ближайшее время Дума ставит своей задачей таксировку цен на предметы первой необходимости, улучшение хозяйственных условий жизни пролетариата, фиксирование заработной платы соответственно общей стоимости условий жизни рабочих и т.д.

6. В области культурно-просветительной: общее и специальное образование за счёт государства; планомерная и усиленная организация высшего, среднего и низшего общего технического и профессионального образования, поощрение частной инициативы в деле открытия школ всех типов; развитие внешкольного образования» [Там же. С. 26–27].

Срочными мерами по устроению многоплеменной и многонациональной Сибири Дума считала: «а) проведение социальных мероприятий по защите и сохранению туземных племён; б) предоставление экстерриториальным народностям в пределах общегосударственных законодательных норм права объединения автономных общин на правах юридического лица и полной национально-персональной автономии во всех областях национальной жизни» [Там же. С. 27].

А в воззвании ко всем трудящимся Сибири Сибирская областная дума заявляла: «Для большевицких палачей, кощунственно прикрывающихся именем рабочих и крестьян, так же страшна и гибельна авторитетная и громко выраженная воля народа, как и для царских палачей. Поэтому народные насильники и не допустили свободного открытия Сибирской Областной Думы, сознавая свой позорный конец, связанный с работой последней» [Там же].

То, что Сибирская областная дума поставила знак равенства между большевистскими палачами и царскими, отражало, господствовавшие среди членов Думы революционные настроения. Вообще, революционная и слишком социалистическая ориентация Думы и её отказ включить в свой состав «цензовые элементы», то есть представителей буржуазии, оттолкнули от неё не только правые партии, но и такого маститого областника, как Г.Н. Потанин.

Впоследствии, уже в эмиграции, некоторые областники признавали, что лишение цензовой общественности представительства в Сибирской областной думе было большой ошибкой. При этом, однако, сле-

дует учесть, что положение о выборах в Думу составлялось в декабре 1917 года, в обстановке сильного напора большевизма, и потому антибольшевистские деятели пытались использовать в целях осуществимости созыва Думы не только органы национального, казачьего, земского и городского самоуправления и кооперации, но и организации, возникшие в революционный период — советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и профессиональные союзы.

Несмотря на то, что первое заседание Думы были вынуждены проводить в подполье, оно выполнило важную организационную функцию — возглавить антибольшевистское движение и придать ему легальную форму борьбы народоправства против диктатуры. После своего тайного заседания в Томске Дума оповестила общественность о том, что Временное правительство автономной Сибири, лишённое возможности нормально функционировать в Томске из-за большевистских гонений, переезжает в другое место, куда вслед за ним переедет и Дума.

Сначала находившиеся в Томске члены Правительства автономной Сибири, в числе которых был и мой отец, В.И. Моравский, собирались обосноваться в Чите. Но захват власти большевиками в этом городе вынудил их проследовать поездом в Харбин, единственный город, свободный от большевистского влияния в этом районе. А в Западной Сибири был оставлен особый комиссариат, действовавший именем сибирского правительства.

Харбин. Правительство живёт в поезде. Неудавшаяся попытка ВПАСа получить признание союзников. Переговоры с ген. Хорватом и их провал. Переезд ВПАСа во Владивосток. ВПАС уходит в отставку

После тайного заседания Сибирской областной думы в Томске (28 января 1918 года по старому стилю и 9 февраля по новому), на котором было избрано Временное правительство автономной Сибири (ВПАС), группа министров этого правительства конспиративно выехала поездом из Западной Сибири на Дальний Восток. Когда в марте 1918 года этот поезд дошёл до железнодорожной станции Маньчжоули, находящейся на китайской стороне российско-китайской границы, мой отец, В.И. Моравский, ехавший в этом поезде в качестве государственного

секретаря ВПАСа, связался по телеграфу с генералом Д.Л. Хорватом, управляющим Китайско-восточной железной дороги (КВЖД) и Верховным комиссаром Временного (Всероссийского) правительства в Полосе отчуждения КВЖД. Сообщив Хорвату, что группа министров ВПАСа направляется в Харбин, он попросил генерала обеспечить министров ВПАСа и их сотрудников жильём и другим необходимым помещением. В ответ на эту телеграмму Хорват распорядился, чтобы спальный вагон, в котором разместились министры ВПАСа и их штат, был на харбинской железнодорожной станции отцеплен и отведён на запасной путь, где к нему прицепили вагон-ресторан, салон-вагон, канцелярский и служебный вагоны. За время своего пребывания в Харбине, которое продолжалось примерно три месяца, министры ВПАСа и их сотрудники жили в этом поезде.

Хотя Харбин и был на китайской земле, он находился в так называемой Полосе отчуждения КВЖД, то есть на территории определённой ширины вдоль всего полотна железной дороги. На эту территорию распространялись, согласно российско-китайскому соглашению 1896 года, административная и судебная власть Российского государства. Таким образом, оказавшиеся в Харбине министры ВПАСа фактически продолжали оставаться на российской территории.

Прибывшие в Харбин министры ВПАСа во главе с председателем Совета министров П.Я. Дербером искали поддержки у местных российских общественно-политических кругов и, главное, признания ВПАСа иностранными державами-союзниками России в Первой мировой войне, которая ещё продолжалась. Помощь союзников — политическая, экономическая, военная — была необходима ВПАСу для борьбы с большевистскими вооружёнными силами и примкнувшими к ним немецкими и мадьярскими (венгерскими) военнопленными. А союзники были после подписания большевиками Брест-Литовского мира заинтересованы в восстановлении восточного фронта против Германии и её союзников. Поэтому они искали возможности поддержать антибольшевистское российское правительство.

Со стороны ВПАСа в переговорах с союзными представителями участвовали: главный уполномоченный для внешних сношений, инженер Л.А. Устругов, бывший товарищ министра путей сообщения Временного российского правительства, и А.Ф. Сталь, бывший прокурор Московской судебной палаты, назначенный на эту должность после революции.

Ознакомившись с политической обстановкой на Дальнем Востоке, представители союзных держав настаивали на создании российской коалиционной власти, представляющей значительные и различные элементы общественности и пользующейся их поддержкой и доверием. Чтобы создать коалиционное правительство, удовлетворяющее требования союзников, ВПАСу необходимо было включить в свой состав «цензовые», то есть имущественные, элементы, которые, как известно, не были привлечены к работе Сибирской областной думы и ВПАСа. Как условие признания ВПАСа союзники также считали желательным вхождение в ВПАС генерала Хорвата, адмирала А.В. Колчака и предпринимателя А.И. Путилова.

Для создания коалиционного правительства ВПАС должно было расположить к себе влиятельные круги местной общественности, что было сопряжено с большими затруднениями, потому что на Дальнем Востоке и особенно в Харбине ВПАС не обладало сильной общественной поддержкой. Дело в том, что работа сибиряков-областников по созданию очагов сопротивления большевикам и органов автономного управления проходила главным образом в Западной Сибири, а не на Дальнем Востоке. Тем не менее вскоре по своём прибытии в Харбин министры ВПАСа вступили в переговоры с генералом Хорватом, весьма авторитетной и влиятельной общественно-политической фигурой в Полосе отчуждения КВЖД. По настоянию моего отца и нескольких других лиц Временное правительство автономной Сибири предложило Хорвату пост управляющего ведомством этого правительства на правах министра. Хорват в принципе согласился на это предложение на двух условиях: первое условие заключалось в создании малого совета министров на паритетных началах представительства во избежание слишком громоздкого состава министров для проведения намеченных мероприятий, а вторым условием было пополнение Сибирской областной думы «цензовыми» элементами и точное определение законодательной деятельности Думы до созыва Всесибирского учредительного собрания. ВПАС приняло оба условия.

В привлечении Хорвата на свою сторону был, помимо ВПАСа и некоторых других группировок, заинтересован базировавшийся в Харбине Комитет защиты родины и Учредительного собрания, который возглавляли присяжный поверенный В.И. Александров и местный российский консул Г.К. Попов. Поддерживало этот Комитет и российское посольство в Пекине, чьё отношение, по словам отца, «ко всем явлениям и движениям, не носившим монархической печати, было весьма

недружелюбным, чтобы не сказать — ненавистным» [1. Коробка 2. Папка 9. С. 2].

Комитет защиты родины и Учредительного собрания развернул против прибывших в Харбин членов ВПАСа пропагандную кампанию на страницах своего печатного органа «Призыв», в которой указывалось на левизну состава ВПАСа, на отказ одного из ведущих областников, Г.Н. Потанина, принять участие в работе ВПАСа, на несовершенство выборов в Сибирскую областную думу. Антагонизму по отношению к ВПАСу послужил и антисемитизм, присущий некоторым сторонникам Комитета защиты родины и Учредительного собрания и направленный против еврея П.Я. Дербера, председателя Совета министров ВПАСа.

В идеологическом плане Комитет защиты родины и Учредительного собрания подчёркивал своё отрицательное отношение к принципу коллективности в построении власти. Вместо этого он предлагал единоличную власть, обосновывая своё мнение следующим образом: «Подобно тому, как в удельно-вечевой период Россия была выведена сильной волей отдельных князей московских, так и сейчас никакой коллектив не в силах создать властного центра, вокруг которого могла бы сложиться новая русская государственность... Такой центр может быть создан только единой волей единого лица», — поэтому, говорилось далее в этом заявлении, необходимо проявить «чрезмерную быстроту в приискании того достойнейшего, на плечи которого нужно взвалить это тяжёлое бремя. Если же такое лицо найдётся, то всем нужно немедленно же подчиниться ему» [3. № 6—7. 1929. С. 92—93]. Стремясь создать единоличную военную диктатуру, Комитет защиты родины и Учредительного собрания в союзе с некоторыми другими политическими группировками Харбина предложил генералу Хорвату объявить себя Временным правителем России с образованием при нём делового кабинета.

Тем временем, 5 апреля 1918 года, Совет министров ВПАСа письменно обратился к генералу Хорвату со своим предложением, в котором говорилось: «Правительство Автономной Сибири в условиях грозного для всей Сибири момента, требующего искреннего и мощного объединения всех элементов общественности, обратилось недели две назад к Вам с предложением войти в состав его в качестве управляющего ведомством на правах министра. Принципиальное согласие Вы изволили дать, причём товарищ министра путей сообщения вр. правительства инженер Устругов тогда же предварил Вас, что о Вашем

принципиальном согласии он в предстоящих ему переговорах в Пекине сочтёт долгом сообщить.

По получении телеграммы от наших уполномоченных в Пекине, председатель Совета министров и члены правительства, государственный секретарь сделали Вам устное официальное предложение осуществить данное Вами согласие: войти в правительство. Ответа мы не получили. Ввиду чрезвычайной важности и серьёзности момента, не терпящего промедления, просим Вас срочно ответить о Вашем согласии: теперь же войти в состав правительства...» [Там же. С. 102].

Ответа генерала Хорвата на это письмо не последовало, а некоторое время спустя он объявил себя Временным правителем России.

После провала переговоров с Хорватом в Харбине Временное правительство автономной Сибири, переехав в однородном составе во Владивосток вслед за его освобождением от большевиков, объявило 8 июля 1918 года о своём принятии власти в Сибири декларацией следующего содержания:

«Временное Правительство Автономной Сибири сим доводит до сведения всех дружественных держав, союзных и нейтральных, что 29 июня 1918 года оно приняло на себя все права и обязанности центрального правительства Сибири.

Поднимая своё знамя в этот трагический момент, когда у России нет организованного правительства, Временное Правительство стремится возродить государственную политическую жизнь Сибири и заложить фундамент для реконструкции и объединения России как великой федеративной демократической республики.

Первой практической задачей Временного Правительства является созыв Сибирской Областной Думы, которая определит, в полном согласии со Всероссийским Учредительным Собранием, окончательную форму политической организации Сибири. Временное Правительство считает своей обязанностью восстановить нормальное функционирование государственных и общественных организаций, которое было нарушено советскими властями, а также защитить все гражданские и имущественные интересы частных лиц.

Временное Правительство Автономной Сибири имеет право принять на себя все функции центрального правительства Сибири, потому что оно получило на то полномочия от Сибирской Областной Думы 28 января 1918 года. Западная и центральная Сибирь уже признали Временное Правительство автономной Сибири. Оно также признано Приморской областью и политическими организациями во Владивосто-

ке. Правительство уверено поэтому, что по мере освобождения страны от антиобщественных элементов оно будет единогласно признано остальным населением.

Временное Правительство ожидает, что вооружённые силы, действующие в Полосе отчуждения Китайско-восточной железной дороги, прекратят свои самостоятельные операции, поскольку ныне существует законно образованное правительство.

В соответствии с декларацией Чрезвычайного Общесибирского Съезда от 25 декабря (1917 г.), утверждённой Сибирской Областной Думой 28 января, Сибирь является автономной областью Российской Федеративной Республики. Ввиду этого, Временное Правительство торжественно объявляет о своём намерении защищать российские интересы и признать все международные соглашения, заключённые Россией до 7 ноября 1917 года. Отсюда следует, что Временное Правительство отвергает все соглашения, заключённые Советом Народных Комиссаров, особенно Брест-Литовский Мирный Договор» [4. С. 319–320].

Эту декларацию подписали министр-председатель П. Дербер и члены Совета министров: А. Краковецкий, А. Трутнев, В. Тибер-Петров, И. Тарасов, А. Петров, С. Кудрявцев, Н. Жернаков, А. Новосёлов, В. Моравский, Г. Неометулов.

Эта декларация оказалась слишком оптимистичной, ибо, как показала жизнь, заручиться широкой и прочной поддержкой общественности Временному правительству автономной Сибири не удалось. Не добилось оно и признания союзных держав. А на следующий день после обнародования декларации ВПАСа претензии на власть предъявил генерал Хорват.

8 июля Хорват с небольшим русским вооружённым отрядом появился на расположенной в российских границах железнодорожной станции Гродеково и 9 июля объявил собравшимся в его вагоне о принятии на себя всей полноты власти и звания Временного правителя России впредь до восстановления порядка в стране и до созыва Учредительного собрания. Тогда же был объявлен состав делового кабинета Хорвата, в который вошли: С.В. Востротин, С.А. Таскин, О.М. Курский и А.М. Окорочков (члены Сибирской областной думы), А.И. Путилов, Л.А. Устругов, перешедший к Хорвату из ВПАСа, генерал В.Е. Флуг и полковник В.А. Бухарев [5. С. 36].

В обращении Хорвата к населению в частности говорилось, что его деловой кабинет будет руководствоваться следующими принципами:

«1. Отменой всех указов, изданных большевиками.

2. Восстановлением судов, административных учреждений и городских и земских самоуправлений.
3. Равенством всех граждан перед законом и охраной гражданских свобод.
4. Всеобщим избирательным правом.
5. Полным восстановлением всех соглашений, заключённых с союзниками и нейтральными державами.
6. Восстановлением армии на принципах строгой дисциплины.
7. Восстановлением прав собственности.
8. Решением земельного вопроса Учредительным собранием.
9. Восстановлением промышленности и транспорта, включая отмену социализации и национализации предприятий, и удовлетворением нужд рабочих.
10. Повышением уровня народного образования.
11. Признанием права Сибири и других районов на автономию при условии сохранения единства России.

Подпись: Генерал-лейтенант Хорват Временный правитель» [4. С. 321–322].

Попытка Хорвата укрепиться у власти на русском Дальнем Востоке и тем более на более обширных российских территориях потерпела неудачу. Российский историк Г.В. Мелихов справедливо оценивает эту неудачу: «Имя Хорвата, безусловно, имело большую популярность, однако, как мы видим, поддержка эта носила исключительно местный характер и исходила, главным образом, из полосы отчуждения КВЖД. Эту власть, возникшую на крайних дальневосточных рубежах России, едва ли можно было принять как национальную, общероссийскую. Её слабость и беспомощность стали ясны и союзникам, вскоре отказавшим Хорвату в какой-либо своей поддержке. Кроме того, претензии генерала на единоличную власть встретили оппозицию со стороны национальных кругов и на самом Дальнем Востоке.

Последовавшие вслед за обращением приказы Временного правителя Хорвата из Гродекова были лишены какого-либо конструктивного подлинно государственного содержания и касались, главным образом, кадровых назначений и различных мелких вопросов» [5. С. 37].

В своих воспоминаниях о Хорвате мой отец пишет, что после неудачной попытки обосноваться во Владивостоке правительство Хорвата предложило ВПАСу начать с ним переговоры. «Мы приняли предложение, — пишет отец, — переговоры начались, и, следуя инструкциям нашего правительства, я лично принял участие в них. Однако переговоры эти не были доведены до конца» [1. Коробка 2. Папка 9. С. 6].

Несколькими годами позже, уже в эмиграции, у отца с Хорватом завязались тёплые личные отношения, когда он навещал генерала, жившего тогда в Пекине. В своих откровенных беседах о прошлом Хорват и отец пришли к заключению, что конфликт Временного правительства автономной Сибири с правительством Хорвата был роковой ошибкой. О том, в чём заключалась эта ошибка, отец пишет: «Ситуация в Сибири была таковой в 1918 году, что если бы мы пришли к действительному, настоящему и искреннему взаимопониманию и если бы были объединены в общих усилиях, наш успех в Сибири был бы обеспечен, несмотря на все существовавшие препятствия и интриги. Наш успех в Сибири приобрёл бы, таким образом, всероссийское значение. Большевики не были сильны в Сибири, и их власть была легко свергнута. Они стали укрепляться лишь после того, как антикоммунистический фронт утратил своё единство и глубокие трещины образовались между антикоммунистическими центрами деятельности. Эти трещины обернулись западней, в которую сами антикоммунисты попали. Если бы мы избежали наших ошибок, ошибок, сделанных в самом начале нашей борьбы, никогда бы не возникло то роковое непонимание между нашим правительством и генералом Хорватом, непонимание, ставшее причиной всех уже известных печальных последствий.

Различные силы, одни, благодаря их пониманию ситуации, а другие благодаря их непониманию, всячески старались разделить нас. Однако их успех зависел полностью от нас. И если бы мы действительно хотели, этого бы не случилось. Так почему же мы позволили этому случиться? Потому что некоторые наши личные соображения были дороже нам, чем чувство нашего общего долга. Таковы были условия, которые не позволили нам всмотреться в эту проблему с большей решительностью и мужеством» [Там же. С. 9–10].

К лету 1918 года, наряду с событиями на Дальнем Востоке, перемены происходили и в Западной Сибири. 30 мая сибирские войска освободили Томск от большевиков и власть в городе перешла в руки Западно-Сибирского комиссариата ВПАСа, который, как сообщалось ранее, был оставлен в Западной Сибири после тайного заседания Сибирской областной думы 28 января 1918 года (9 февраля по новому стилю). 7 июня от большевиков был освобождён Омск, куда переехал Западно-Сибирский комиссариат. А 30 июня Западно-Сибирский комиссариат передал власть образовавшемуся в Омске Временному сибирскому правительству, о чём извещала общественность нижеприводимая грамота за подписью председателя Сибирской областной думы И.А. Якушева: «Со дня низвержения советской власти в Сибири высшим представителем государственной

власти является Западно-Сибирский Комиссариат, назначенный Временным Сибирским Правительством.

Ныне, по прибытии в город Омск достаточного числа членов Правительства, избранных Сибирской Областной Думой, Сибирским Правительством в лице Председателя Совета Министров и Министра Внешних Сношений Петра Васильевича Вологодского и Членов Совета Министров: Министра Внутренних Дел Владимира Михайловича Крутовского, Министра Финансов Ивана Адриановича Михайлова, Министра Юстиции Григория Борисовича Патушинского и Министра Туземных Дел Михаила Бонифатьевича Шатилова, принимает на себя всю полноту государственной власти на всей территории Сибири.

Председатель Сибирской Областной Думы Иван Якушев.

г. Омск

Июня 30 (17) дня 1918 г.

13 час. 30 мин.» [1. Коробка 3. Папка 7].

Так образовались две половины одного и того же правительства, одна половина которого находилась в Омске, а другая — во Владивостоке. Чтобы избежать конфликта между этими половинами, председатель Совета министров омского правительства П.В. Вологодский приехал со своей делегацией во Владивосток на переговоры с ВПАСом. В результате этих переговоров 21 сентября все члены ВПАСа подали в отставку и никто из них не вошёл в омское правительство. Почти одновременно с этим генерал Хорват сложил с себя обязанности Временного правителя, став особоуполномоченным омского правительства на Дальнем Востоке.

**Подготовка к антибольшевистскому восстанию
в Сибири. Высадка японского десанта
во Владивостоке и выступление Г.Н. Потанина.
Чехословацкий корпус и челябинский инцидент.
Освобождение Сибири и Дальнего Востока
от большевиков сибиряками и чехословаками**

С разгоном большевиками Сибирской областной думы в Томске в январе 1918 года большевистская власть установилась в Сибири и на Дальнем Востоке. Но, несмотря на это, на той же территории развивалась подпольная деятельность различных антибольшевистских вооружённых отрядов. Одни из них подчинялись Временному правительству

автономной Сибири (ВПАСу), другие не починались ему. В числе последних были казачьи отряды атамана Г.М. Семёнова в Забайкалье, атамана Б.В. Анненкова в Акмолинской области и атамана И.М. Гамова в Амурской области. Позднее, в связи с появлением в Сибири делегации от Добровольческой армии, возглавляемой генералом В.Е. Флугом, в некоторых сибирских городах возникли правые военные организации.

С другой стороны, к апрелю-маю 1918 года в крупных городах Сибири и Дальнего Востока — во Владивостоке, Иркутске, Красноярске, Томске, Барнауле, Семипалатинске, Омске — образовались военные организации, подчинявшиеся ВПАСу. Руководство этими организациями было поручено военному министру ВПАСа, полковнику А.А. Краковецкому, который в сотрудничестве с Западно-Сибирским комиссариатом ВПАСа разработал план свержения большевиков в Сибири и на Дальнем Востоке. Согласно этому плану, для более эффективного управления военно-стратегическими операциями Сибирь была разделена по течению реки Енисей на два военных округа — западный и восточный, в каждом из которых руководство было возложено на особые военные штабы. Центром западного военного округа вначале был Томск, позднее Ново-Николаевск, а восточного — Иркутск. На Дальнем Востоке военными организациями ВПАСа руководил сам Краковецкий, находившийся сначала в Харбине, а потом во Владивостоке. А финансированием подпольных военных организаций ВПАСа занимались, главным образом, сибирские кооперативы.

Общий порядок формирования подпольных отрядов ВПАСа был следующим: сначала создавались «пятки», «восьмёрки» и «десятки», которые затем сводились в сотни или роты. Во главе каждой первичной боевой ячейки стоял начальник, в обязанности которого входило держать на учёте свой отряд и сохранять с ним постоянную связь. В конспиративных целях требовалось, чтобы состав одной ячейки не был известен другим. Сведённые в сотни или роты отряды находились в подчинении начальника пункта, который имел свой штат и находился в непосредственном подчинении у начальника округа, определявшего время и место восстания.

Начальником западного военного округа ВПАСа был назначен подполковник А.Н. Гришин-Алмазов (Алмазов — фамилия конспиративная), а восточным — полковник Элерц-Усов. В области военного командования каждый из них действовал самостоятельно, но в политико-административном отношении оба подчинялись Западно-Сибирскому

комиссариату ВПАСа, состоявшему из Б. Маркова, П. Михайлова, М. Линдберга и В. Сидорова.

3 мая 1918 года в Ново-Николаевске состоялся съезд руководителей местных штабов военных организаций ВПАСа. На съезде выяснилось, что в подчинении этим организациям насчитывалось свыше 8000 бойцов. В состав военных организаций входили: томская во главе с полковниками Сумароковым и А.Н. Пепеляевым; новониколаевская во главе с подполковником А.Н. Гришиным-Алмазовым (здесь же находился Западно-Сибирский комиссариат ВПАСа); барнаульская, которой руководил штабс-капитан А. Ракин; семипалатинская, возглавляемая поручиком И.И. Зубаревым и начальником штаба капитаном И. Харченко; организация на станции Тайга, руководимая Коротковым; красноярская организация под командованием полковника Чудилина; иркутская организация, начальником которой был полковник Элерц-Усов, а его помощником капитан Н.С. Калашников.

Добровольческие отряды военных организаций ВПАСа состояли главным образом из младших офицеров, солдат-фронтовиков и учащейся молодёжи. Эти отряды не всегда были хорошо вооружены, но кое-какое оружие у них было. И оружие это они приобретали либо путём скупки, либо экспроприациями из военных складов, либо разоружением милиционеров и красноармейцев. Содержание военных организаций ВПАСа обходилось примерно в 200 тысяч рублей в месяц. Значительная доля этих денег поступала от сибирской кооперации, субсидировавшей, как мы уже отметили, Западно-Сибирский комиссариат и штаб ВПАСа.

Общий план выступления, подготовлявшегося главным штабом ВПАСа, имел целью свержение большевистской власти по всей территории Сибири и Дальнего Востока и ставил перед военными организациями определённые боевые задачи, которые должны были выполняться только по приказу главного штаба. Учитывая, что большевистские боевые соединения значительно превосходили вооружением и численностью антибольшевистские силы, руководство военными организациями ВПАСа считало недопустимым частичные выступления вне общего плана, потому что такие выступления привели бы к разгрому антибольшевистских сил. По получении приказа о выступлении все местные военные организации ВПАСа должны были немедленно: 1) арестовать видных большевистских деятелей; 2) сохранить фонды Государственного банка; 3) вооружить свою организацию; 4) освободить политзаключённых; 5) захватить и сохранить необходимые сред-

ства передвижения (паровозы, пароходы) и сооружения (туннели, мосты) и б) создать в тылу противника панику и угрозу его фронту.

Сибирские большевики знали, что сибирские эсеры-областники не собирались сложить оружие в борьбе с ними. Видный большевик В. Вегман писал по этому поводу: «Не было сомнения, что эсеры начнут предпринимать шаги, чтобы свергнуть советскую власть вооружённой рукой», — а председатель Сибирской областной думы, областник И.А. Якушев, следующими словами объяснял недовольство большевиками в Сибири в начале 1918 года, что благоприятствовало антибольшевистской деятельности ВПАСа: «За время большевистского управления сибирское крестьянство в целом, за исключением фронтовиков, было враждебно настроено к большевикам. В некоторых местах в связи с продразвёрсткой и реквизициями вспыхнули крестьянские восстания (например, в Голуметской и других волостях Иркутской губернии в конце марта и начале апреля). Сибирское, Енисейское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска поддерживали военные отряды казачьих атаманов и, конечно, были против большевиков и советов, нарушивших их исконный бытовой уклад и жизнь. Немногочисленные рабочие (преимущественно в городских центрах) всё ещё поддерживали власть советов и шли за большевиками, но и здесь, например, среди железнодорожных рабочих произошёл резкий поворот в сторону от большевизма. Следовательно, внутренне-политическая обстановка Сибири была благоприятна для антибольшевистской работы подпольных военно-революционных отрядов Временного сибирского правительства» [З. № 4. 1929. С. 105—106]. К приведённой выше цитате добавлю, что 15 марта в Якутске произошёл переворот, руководимый правыми эсерами, в результате которого был образован «Областной совет независимой Якутской области». А на Дальнем Востоке в начале апреля выступили части атамана Г.М. Семёнова, захватившие станцию Борзя Забайкальской железной дороги.

Внешнеполитические события весны 1918 года тоже не благоприятствовали большевикам. 5 апреля во Владивостоке высадился японский десант, в связи с чем большевики объявили всю Сибирь на военном положении.

Вскоре после высадки японского десанта областник Г.Н. Потанин призвал сибиряков «громко заявить своё право на самоопределение и сказать, что мы хотим сами быть хозяевами своей страны. Мы должны употребить все средства, чтобы заявить это как всем нашим врагам,

так и друзьям, как противникам нашего областного самоопределения, так и сторонникам областникам. Важность момента требует, чтобы раздался действительный голос страны» [Там же. С. 107]. Это обращение Потанина было воспринято как призыв освободиться от власти большевиков, то есть от власти тех, кто мешал выявить «действительный голос страны».

Помимо высадки японского десанта во Владивостоке, неприятности у большевиков возникли с продвигавшимся с Украины на Восток чехословацким корпусом (в исторической литературе этот корпус также нередко называется легионом). Говоря о чехословацком корпусе, напомню, что военнослужащие-чехословаки, оказавшиеся в России во время Первой мировой войны, состояли из военнопленных, бывших солдат и офицеров австрийской армии. Не желая воевать против своих русских братьев-славян, чехословаки добровольно сдавались в плен российской армии либо в составе воинских единиц, либо в индивидуальном порядке. Под русским командованием корпус принял участие в военных действиях на германском фронте в 1917 году. Когда советское правительство начало мирные переговоры с немцами в Брест-Литовске, председатель Чехословацкого национального совета Томаш Г. Масарик отдал приказ находившемуся на Украине чехословацкому корпусу следовать по железной дороге во Владивосток для переброски на французский фронт. К этому времени в чехословацком корпусе насчитывалось свыше 40 тысяч человек.

Согласившись пропустить чехословаков во Владивосток, большевики рассчитывали, видимо, на то, что на протяжении пути чехословаки окажутся под влиянием большевистской пропаганды и, таким образом, пополнят ряды опытных бойцов их интернациональных отрядов. Напомню, что после захвата власти большевиками к ним примкнули военнопленные немцы и мадьяры (венгры), а также и другие иностранцы. В отношении же чехословаков расчёт на их переход к большевикам не оправдался, хотя среди них и были пробольшевистски настроенные люди.

Чехословаки не хотели быть втянутыми в российскую междоусобицу и потому дали согласие на своё частичное разоружение. В соответствии с договором, заключённым между ними и советским правительством в Москве, они, проходя через Пензу, сдавали часть своего оружия, оставляя на каждый воинский эшелон вооружённую роту с 168 винтовками и 1 пулемётом. Кроме того, на каждую винтовку было разрешено оставить 300 патронов, а на каждый пулемёт — 12000. Однако частичное разоружение в Пензе не отстранило дальнейших

препятствий проезду, потому что руководимые большевиками местные советы продолжали требовать дополнительного разоружения чехословацких эшелонов, не считаясь с московским договором.

Инцидент, окончательно решивший судьбу чехословацкого корпуса в Сибири, произошёл в Челябинске 14 мая 1918 года. В этот день на челябинском вокзале чехословацкие солдаты убили бывшего военнопленного мадьяра, бросившего кусок железа из идущего поезда и тяжело ранившего одного чехословака. Расследуя этот инцидент, большевистский челябинский совет арестовал в качестве свидетелей несколько чехословацких солдат, что вызвало возмущение их товарищей, которые, вооружившись, двинулись со станции в город, чтобы освободить соотечественников. Сделав это, они вернулись на станцию.

В связи с челябинским инцидентом в Москве были арестованы два члена местного отделения Чехословацкого национального совета — Макс и Чермак. Одновременно с их арестом советское правительство отдало приказ полностью разоружить и расформировать чехословацкий корпус. Узнав об этом приказе, чехословацкое командование решило оказать вооружённое сопротивление большевикам, если те нападут на корпус. Нападение большевиков не заставило себя долго ждать: 25 мая в Мариинске и в ночь на 26 мая в Ново-Николаевске большевики атаковали чехословаков, но напоролись на сильное сопротивление.

Тем временем в Ново-Николаевске между штабом сибирской областной организации и чехословацкой группой, возглавляемой Рудольфом Гайдой, было достигнуто соглашение, в результате которого 26 мая 1918 года подполковник А.Н. Гришин-Алмазов отдал приказ вооружённым отрядам ВПАСа выступить в городах Омске, Томске, Барнауле, Семипалатинске и Ново-Николаевске. Эти отряды иногда действовали самостоятельно, а иногда совместно с чехословаками. За время боевых действий против большевиков численность вооружённых отрядов ВПАСа возросла, достигнув, по некоторым данным, нескольких десятков тысяч бойцов.

Объединённые отряды чехословаков и сибиряков выбили большевиков из Ново-Николаевска 26 мая, а 30 мая они заняли станцию Тайга и город Петропавловск. В тот же день подразделения сибирских войск вошли в Томск, а 7 июня части Красной армии и интернациональные отряды, сражавшиеся на стороне большевиков, эвакуировались из Омска. 10 июня войска ВПАСа заняли Семипалатинск, а 18 июня объединённые отряды чехословаков и сибиряков освободили Ачинск. 19 июня, вслед за выступлением сибирской военной организации в Красноярске, ворвавшиеся в город сибирские части освободили из тюрьмы председателя Сибирской областной думы И.А. Якушева,

нескольких членов Временного правительства автономной Сибири и чехословаков. Вслед за падением Красноярска и Нижнеудинска чехословацкие и сибирские войска под командованием полковника А.Н. Пепеляева повели наступление на Иркутск. 28 июня ими была взята Тулун, 1 июля — станция Зима, а 11 июля — Иркутск. 29 июля чехословаки заняли Владивосток. Таким образом, в результате военных действий вооружённых сил ВПАСа и чехословацкого корпуса летом 1918 года Сибирь и русский Дальний Восток были освобождены от большевиков. И всё это произошло до прихода к власти в Сибири адмирала А.В. Колчака.

**Сибземгор. Сибиряки и адмирал Колчак. Погоны
в Сибирской армии. Убийство А.Е. Новосёлова.
Комитет содействия созыву Земского собора.
Докладная записка Калашникова. Провал
антиколчаковского вооружённого выступления
во Владивостоке**

После отставки Временного правительства автономной Сибири (ВПАС) в сентябре 1918 года мой отец временно отошёл от активной политической деятельности. Вместо этого он примкнул ко Всесибирскому союзу земств и городов (Сибземгор), став его представителем на Дальнем Востоке и членом его дальневосточного отдела. Целью Сибземгора было удовлетворение экономических и культурных нужд сибирского населения.

Тем временем, в том же 1918 году, на освобождённой от большевиков территории Сибири и Дальнего Востока наметились большие перемены. В конце сентября омское сибирское правительство перестало существовать, передав свои полномочия Всероссийской директории. Но 18 ноября в результате военного переворота Всероссийскую директорию свергли и к власти пришёл адмирал Александр Васильевич Колчак в качестве Верховного правителя России.

Об отношении сибирской общественности к военной диктатуре Колчака отец отметил, что поначалу, «движимые стремлением укрепить антисоветские силы, многие сибирские политические группировки оказали полную поддержку адмиралу Колчаку...» — но он также упомянул, что «серьёзные опасения и сомнения высказывались в сибирских политических кругах относительно способности адмирала Колчака

одолееть большевиков или хотя бы оказать успешное сопротивление их новому вторжению в Сибирь» [1. Коробка 2. Папка 37. С. 1].

Признаки отхода от демократии в сторону авторитарности появились в Сибири ещё до прихода к власти Колчака. Одним из таких признаков можно считать введение погон в Сибирской армии. Произошло это 5 сентября 1918 года вслед за увольнением с поста министра обороны генерала А.Н. Гришина-Алмазова. Заменявший его генерал П.П. Иванов-Ринов ввёл погоны на следующий же день после этого. Напомню, что погоны в то время считались символом царской власти и потому в демократической Сибирской армии их не было.

К концу сентября обострившийся конфликт между левыми и правыми привёл к самочинным действиям группы правых конспираторов, возглавляемых войсковым старшиной В.И. Волковым, сторонником Колчака. Они арестовали и выслали из Омска членов ВПАСа В.М. Крутовского и М.Б. Шатилова, а также и председателя Сибирской областной думы И.А. Якушева. Кроме того, по приказу Волкова некий А.С. Степанов-Иванов убил члена ВПАСа А.Е. Новосёлова.

Летом 1919 года мой отец, придя к заключению, что военная диктатура Колчака ведёт к катастрофе, возобновил свою политическую деятельность, вступив во Владивостоке в Комитет содействия созыву Земского собора.

Некоторые данные о том, как возник этот Комитет, сообщала впоследствии владивостокская газета «Вечер», в редакционную коллегия которой входил мой отец. Так, 26 октября 1920 года, под рубрикой «Из недавнего прошлого», газета писала: «К концу лета 1919 года идея созыва земского съезда, который должен был поставить перед собой кардинальные политические задачи изживания реакции Колчака, получила признание в самых широких кругах общественности Сибири. В этом духе старался направить свою работу и орган земско-городского объединения — Сибземгор.

Известия о поражениях на фронте делали этот вопрос более и более спешным, шло брожение в армии, доходили смутные слухи и до Владивостока.

В июле Дальневосточное отделение Сибземгора, до того времени занимавшееся исключительно деловой работой, стало всё чаще и чаще устраивать «частные» и «закрытые» совещания, посвящённые политическим вопросам. В этих заседаниях принимали участие В.Я. Гуревич, И.А. Якушев, В.И. Моравский, Б.А. Косьминский, М.Н. Павловский» [6. 1920. № 140. С. 2]. А 28 октября 1920 года та же газета

под той же рубрикой сообщала: «Однажды поздно вечером В.И. Моравского и М.Н. Павловского вызвали на срочное свидание в ресторан “Аквариум”. В одной из лож вместе с кооператором Поповым сидел офицер, оказавшийся капитаном Калашниковым, начальником политического отдела штаба Сибирской армии. В.И. Моравский знал Калашникова раньше, Павловский встретился с ним впервые.

Калашников являлся политическим вдохновителем Гайды, на его обязанности лежало установить связь Гайды с общественностью во время путешествия “поезда Гайды” по Сибири.

Условились, что свой доклад Калашников повторит в несколько более широком совещании.

Это совещание через несколько дней состоялось за городом, и на нём присутствовали, кроме Моравского, Якушева, Павловского, Попов и представитель Ц.К. С.-ров Федорович (впоследствии председатель иркутского “Центра”).

Комитет был создан. Он получил название “Комитета содействия созыву Земского собора”. В него вошли И.А. Якушев (председатель), В.И. Моравский, Б.А. Косьминский, ген. Гайда и Павловский» [6. 1920. № 142. С. 2].

Других номеров газеты «Вечер» с рубрикой «Из недавнего прошлого» в подшивке этой газеты, хранящейся в Приморском краевом архиве во Владивостоке, не обнаружилось.

Оказавшийся в эмиграции председатель Комитета содействия созыву Земского собора И.А. Якушев опубликовал в издававшемся в Праге в конце 1920-х годов «Сибирском архиве» ряд документов, относившихся к этому Комитету. В комментариях к этим документам Якушев подверг жёсткой критике правительство адмирала Колчака, обвинив его в том, что оно стало носителем чуждой народным массам идеи реставрации, которая явно проявлялась в его действиях. В числе этих действий Якушев назвал: преследования крестьянских и рабочих организаций; предварительную цензуру независимой печати, лишившую её возможности высказывать своё отношение к общественным явлениям и действиям правительства и его агентов на местах; взятие на подозрение органов местного самоуправления; использование репрессивных мер по отношению ко многим земским и городским деятелям; преследование левых антибольшевистских партий; посылку в деревни и сёла карательных отрядов, избивавших и грабивших крестьян. Вдобавок к этому, благодаря неспособности правительства подчинить себе казачьих атаманов, последние — особенно Г.М. Семёнов и И.П. Калмыков — нередко прибегали к самочинству, снискавшему себе печаль-

ную известность под названием «атаманщина». Якушев также упоминает и «комедию суда» над участниками ареста членов Всероссийской директории, получившими вместо наказания повышения по службе, и безнаказанность убийц министра сибирского правительства А.Е. Новосёлова, членов Всероссийского Учредительного собрания Фомина, Кириенко и других. На основании сказанного Якушев заключает, что подобная «система» власти создала благоприятную почву для произвола, взяточничества и анархии, которые парализовали государственный аппарат в центре и на местах. Эта же атмосфера реакции и анархии, говорит он, перекинулась и на фронт.

После первых неудач на фронте весной 1919 года командующий Сибирской армией генерал Рудольф Гайда подверг критике Колчака и его правительство. Эта критика содержалась в докладной записке «Итоги весеннего наступления», составленной упоминавшимся выше капитаном Н.С. Калашниковым, начальником политического отдела штаба Сибирской армии. «Отступление Западной армии, — пишет Калашников, — не было обусловлено механическим изменением соотношения сил. Внутри Западной армии обнаружились крупнейшие дефекты, вполне достаточные, чтобы разложить её даже при самом слабом давлении противника. Прежде всего аппарат снабжения оказался несоответствующим задаче наступления», а кроме того, распаду армии способствовала «политика и агитация штаба её, проникнутая антидемократическим духом и разжигавшая борьбу между национальностями» [З. № 6—7. 1929. Прил. С. 81].

Калашников отмечает также, что, наряду с затруднениями на фронте, в тылу армии разрастается повстанческое движение. «Прежде всего, — говорит он, — поражает широкое распространение волнений и восстаний на территориях и их возникновение в районах, где по экономическим условиям почти совершенно отсутствует почва для большевизма» [Там же. С. 82]. При этом он приводит подробный перечень районов, в которых произошли восстания. Допуская обоснованность доводов официальных лиц о влиянии «большевицких агитаторов, группирующих вокруг себя бывших красноармейцев», автор докладной записки не обнаружил тем не менее официальных данных о том, «каким образом эти агитаторы могли приобрести влияние среди сельского населения, так недавно горячо приветствовавшего свержение их власти» [Там же. С. 82—83]. Мотивы восстаний определяются различно или вовсе не определяются, говорит Калашников. Так, например, на станции Камышет захватившие её «красные» заявляли: «Мы не большевики, мы крестьянский союз, боремся против Колчака, плетей и податей» [Там же. С. 83].

Касаясь общих причин затруднений на фронте и в тылу, Калашников пишет: «Совпадение наших неудач на фронте, внутренних волнений и общественного недовольства заставляет предполагать наличие общих причин, вызывающих эти явления. Эти причины следует искать в методах управления страны» [Там же. С. 84]. Докладная записка требует устранить недостатки управления и наметить «ясный и демократический курс государственной политики», а в числе предлагаемых мероприятий она требует «принять меры против пороков, расстрелов без суда и т.п. актов на всей территории России», восстановления «свободы организаций, за исключением большевицких или стоящих за соглашение с большевиками... свободы печати, собраний применительно к практике европейских государств во время войны» [Там же. С. 86–87].

В докладной записке в зачаточном виде формулируется идея созыва сибирского Земского собора, которая нашла затем своё выражение в организованных попытках Комитета содействия созыву Земского собора.

После объяснений с Верховным правителем об общем положении фронта и тыла генерал Гайда получил годовой отпуск из армии и вскоре после этого приехал во Владивосток, где встретился с Якушевым, в результате чего между ними завязалась переписка. В одном из писем Гайде Якушев писал о необходимости созвать сибирский Земский собор для избрания новой власти. Этот Земский собор, по замыслу автора письма, должен был состоять из «представителей, избранных всеобщим голосованием от земств и городов, а равно казачьих и национальных самоуправлений»; Якушев также просил Гайду сотрудничать с будущим правительством, «опирающимся на широкое общественное доверие и ответственным перед Земским собором» [Там же. С. 87]. На предложение Якушева Гайда отреагировал следующим образом: «Раз создаётся власть, опирающаяся на народ, я в её распоряжении. Её приказы для меня священны и будут мной выполнены во что бы то ни стало» [Там же. С. 88].

5 сентября 1919 года Якушев обнародовал грамоту, подписанную им в качестве председателя Сибирской областной думы: «Десять месяцев диктатуры адмирала Колчака, насильственно свергнувшего выборную власть Директории, привели Сибирь к полному развалу и гибели. Дело возрождения государственности, с огромными жертвами и трудом начатое демократией, преступно погублено безответственной властью. Армия, созданная добровольческим движением и энтузиазмом населения, приведена почти к окончательному развалу. Отступление за Урал, потеря Екатеринбургa, Челябинска, Тюмени, открытый большевикам путь в глубь Сибири является неизбежным последствием дезорганизацион-

ной политики Омского правительства», — и, отметив, что правительство «оказалось неспособным выполнить то, что было объявлено им своей первой задачей — организовать оборону страны», грамота призывает к свержению этого правительства: «Договариваться поздно: враг у наших ворот, — говорится в грамоте. — Во имя интересов Родины необходимо действовать. Если существующая власть не поняла своего долга перед Родиной, необходимо этот долг выполнить самому населению» [Там же].

Но чтобы организовать силы для обороны страны, объясняла грамота, нужна новая власть, которая может быть образована только представительным органом, перед которым она и должна быть ответственной. Перед этим представительным органом, то есть Земским собором, должны быть поставлены следующие задачи:

«1) Создание Временного Правительства, ответственного перед Земским Собором.

2) Принятие положения и выработка мер, направленных к созыву Всесибирского Учредительного Собрания.

3) Восстановление основ гражданского правопорядка.

4) Передача местной и государственной власти органам самоуправления.

5) Отмена законов и распоряжений Омского Правительства, ограничивающих пользование крестьян землёю, передача функций землеустроительных учреждений органам местного самоуправления.

6) Восстановление свободы профессиональных рабочих организаций, проведение в спешном порядке закона об охране труда.

7) Уничтожение реакционного режима в армии, поднятие её боеспособности для борьбы за мир на основах народовластия.

8) Амнистия участникам крестьянских восстаний, боровшимся в защиту Учредительного Собрания» [Там же].

Комитет содействия созыву Земского собора, созданный для свержения омского правительства Колчака, оформился во Владивостоке в октябре 1919 года. Помимо уже названных лиц — Якушева, Моравского, Косьминского, Гайды и Павловского, — в него вошли В.О. Сидоров, А.А. Краковецкий и М.Э. Негрескул (секретарь). В дальнейшем Комитет должен был пополниться представителями земств и городов, национальных и казачьих самоуправлений. По замыслу Комитета, Сибземгор — сибирская организация объединения земств и городов — должен был выполнять техническую задачу созыва в явочном порядке сибирского Земского собора, а центральное бюро военных организаций

Сибири, возглавляемое капитаном Калашниковым, должно было стать техническим аппаратом военного переворота по устранению власти Верховного правителя.

Центральное бюро военных организаций выпустило ряд прокламаций, в одной из которых, обращённой к «Братьям солдатам и офицерам», говорилось: «Мы не большевики. Мы русские офицеры и солдаты — восставшие во имя свободы Сибири от ужасов бесправия и гражданской войны... Берегите армию. Соблюдайте крепкую дисциплину... Мы не бросим фронта, мы объявим по ту сторону его, что мы не хотим продолжения гражданской войны и согласны на мирные переговоры с Советской Россией во имя создания единой, могучей, демократической России. Если же предложения наши не будут приняты, мы сделаем всё, чтобы защищать границы Сибири от захватнических посяганий советской власти» [Там же. С. 79].

На октябрьской конференции социалистических партий во Владивостоке, в которой участвовали представители от народных социалистов до большевиков, было решено оказать полную поддержку Комитету содействия созыву Земского собора.

В числе документов, относящихся к Комитету и опубликованных в Праге в «Сибирском архиве», имеются два, касающиеся отношений Комитета к союзникам-интервентам, чьи войска были тогда расквартированы во Владивостоке. В одном из этих документов, озаглавленном «Меморандум», сообщается: «Комитет полагает, что его деятельность вполне соответствует декларативным заявлениям, с которыми в своё время Союзные Правительства обращались к населению Сибири» [Там же. С. 90]. В другом документе, письме Комитета, по вопросу об отношении Комитета к союзникам-интервентам сказано: «Наша позиция здесь, во Владивостоке, в отношении к интервентным войскам и союзникам может быть определена — с принципиальной стороны и с точки зрения национальных интересов — как отрицательная, но, разумеется, реальная политика требует подхода к этому вопросу с некоторой осторожностью, требующей учёта всех действующих сил, в этом сложном международном узле, который завязан на Дальнем Востоке» [Там же. С. 80]. В комментариях к этому письму, написанных уже в эмиграции, Якушев подчеркнул, что одна из держав-интервентов, Япония, действовала враждебно по отношению к Комитету.

Созвать сибирский Земский собор не удалось, и наспех подготовленное вооружённое восстание во Владивостоке против диктатуры Колчака провалилось. Этот неудавшийся переворот под командованием Гайды

произошёл 17 ноября 1919 года, и вот как его описывает английский историк Питер Флеминг: «Эта неуклюжая затея закончилась перестрелкой у пристани между бронепоездом Гайды, над которым развевался бело-зелёный сибирский флаг, и несколькими русскими миноносцами в гавани, с которыми небезызвестный Калмыков, тоже находившийся в бронепоезде, и его японские покровители сотрудничали на суше. После довольно долгой и беспорядочной пальбы под проливным дождём Гайда, легко раненный в ногу, сдался и, обвязываясь покинуть Россию навсегда, был посажен на пароход после (как говорят) жестокого избиения русскими офицерами. Комендант Владивостока Розанов, уже раньше, в том же году, прославившийся своими зверствами в Красноярске, принялся за расправу с присущим ему рвением» [7].

Несмотря на неудавшуюся попытку антиколчаковского переворота, идея созыва сибирского Земского собора продолжала волновать некоторых военных. Примером этого является открытое письмо адмиралу Колчаку от 28 декабря 1919 года командующего войсками Енисейской губернии генерал-майора А.К. Зиневича. В этом письме Зиневич обвиняет Колчака в том, что своей реакционной политикой и окружением он оттолкнул от себя народ и армию, и указывает, что «власть бездействует и позорно бежит на Восток», призывает его отказаться от власти и передать её Земскому собору «как выразителю воли русской демократии» [8].

Вскоре после неудавшегося переворота 17 ноября 1919 года, заявления генерала Зиневича, развала фронта белых, правительство Колчака пало и сам адмирал был расстрелян большевиками 7 февраля 1920 года.

Впоследствии участие моего отца в Комитете содействия созыву Земского собора стало объектом нападков на него некоторых белоэмигрантов в Китае. Так, например, террористическая организация «Братство русской правды» выпустила, вскоре после высылки Льва Троцкого из СССР, листовку, в которой говорилось: «Он (Моравский) во Владивостоке подбивает Гайду поднять восстание против адмирала Колчака. Во время этого бунта погибло более 200 офицеров, которых подвёли Моравский, Краковецкий и др. из группы провокаторов-эсеров...»; та же листовка называет отца троцкистом и советским провокатором, за спиной которого «стоят большие акулы международного масонства» [9].

Упоминание о неудавшемся антиколчаковском перевороте я нашёл в очерке отца, посвящённом его знакомству и беседам с генералом Уиль-

ямом С. Грейвсом, командующим американским экспедиционным корпусом в Сибири в 1918—1920 годах. Отец даёт положительную оценку американскому генералу, но сетует на то, что, строго придерживаясь принципа невмешательства во внутренние российские дела, Грейвс невольно сыграл на руку японским интервентам и покровительствуемым ими русским реакционерам во время антиколчаковского вооружённого выступления во Владивостоке. Он пишет: «...когда наши воинские части были вынуждены прибегнуть к боевым действиям и... оказались лицом к лицу с шеренгой японских войск, которые мешали их движению и укрывали нашего противника, стрелявшего в нас из-за спин японских солдат, и когда японские корабли открыли огонь по нашим позициям, генерал Грейвс, всё ещё не получив инструкций из Вашингтона, не мог оказать нам никакого содействия для предотвращения иностранного вмешательства в наши внутренние дела», — и в то же время отец признаёт, что Грейвс проявил «исключительное внимание и заботу по отношению к семьям наших злополучных приверженцев и сотрудников» [1. Коробка 11. Папка 9. С. 3—4].

В своей книге «Американские действия в Сибири, 1918—1920 годы» [10] Грейвс отзываясь положительно о моём отце и его коллегах по Комитету содействия созыву Земского собора.

**Газета «Вечер». «Дед» Сазонов. СОУАС.
А.А. Грызов-Ачаир и газета «Последние
известия». Указ Дитерихса. Второе сибирское
правительство. Конец белого Владивостока**

После провала антиколчаковского переворота во Владивостоке мой отец, И.А. Якушев и А.А. Краковецкий, опасаясь преследований, скрывались недолго в американском консульстве. Затем Якушев и отец выехали в Харбин, но вскоре после падения правительства Колчака вернулись во Владивосток.

Обосновавшись во Владивостоке, отец стал одним из редакторов ежедневной газеты «Вечер», в редколлегию которой, кроме него, входили: В.А. Виноградов, С.Ф. Знаменский, Л.А. Кроль, М.Н. Павловский. Газета «Вечер» издавалась с 1920 по 1922 год и поначалу

назвалась «Утро и вечер». Её редакция и контора помещались на улице Петра Великого в доме № 10, но здания этого сейчас нет, оно было снесено в советское время, и на его месте выросло другое.

Газета «Вечер» объявила себя внепартийным и демократическим органом и в 1921 году поддерживала политическую группировку «Дальневосточный демократический союз», о чём свидетельствует нижеследующее извещение от 15 апреля 1921 года:

«От инициативной группы

Об образовании Дальневосточного демократического союза

Создавшееся на Д. Востоке политическое и экономическое положение настоятельно требует скорейшего организованного объединения действительных демократических настроенных граждан, считающих необходимым отстаивать осуществление на Д. Востоке, не только на словах, но и на деле, демократического государственного строя, при котором действия исполнительной власти находились бы под постоянным и действительным контролем народного представительства, а личные и публичные права граждан были бы вполне обеспечены.

Инициативная группа: Л.А. Кроль, М.Я. Кравец, В.И. Моравский, М.Н. Павловский и др.» [6. 1921. № 272. С. 2].

На страницах «Вечера» также публиковались статьи областного направления. Так, например, в номере газеты от 23 сентября 1920 года была опубликована статья областника М.П. Головачёва «Централизм и федерализм (в русской революции)». В ней автор анализирует период «государственного самоопределения областей», рассматривая этот процесс как способ предотвращения большевизации страны. Это явление, по его мнению, свидетельствует о росте регионального национального самосознания, которое ограничивается требованием широкого самоуправления и федерации и не содержит сепаратистских устремлений [11. С. 20].

Помимо сотрудничества в газете «Вечер», отец примкнул в 1920 году к Комитету борьбы с большевиками, который был создан в Харбине Анатолием Владимировичем Сазоновым. Основная задача этого комитета заключалась в установлении связи с населением Сибири и в организации там боевых антибольшевистских групп. Комитет этот просуществовал недолго, но членство в нём моего отца положило начало близкого и продолжительного политического сотрудничества его с А.В. Сазоновым, с которым он познакомился ещё в 1918 году вскоре после разгона большевиками Сибирской областной думы.

«Дед» Сазонов, как звали его единомышленники, родился в Москве в 1861 году. По окончании Московского землемерного училища он поступил в 1880 году в Петровско-Разумовскую академию, а по выходе из неё занялся земской, общественной и революционной работой. Сосланный в Сибирь за принадлежность к революционной «Народной воле» и находясь в селе Витиме на реке Лене, он организовал первую потребительскую лавку, а в 1916 году стал в Ново-Николаевске секретарём «Закупсбыта», центрального органа сибирской потребительской кооперации, и немного позже был избран в члены правления этой организации. Февральская революция застала Сазонова в том же Ново-Николаевске, где он был избран товарищем председателя Комитета защиты прав. В том же году он представлял сибирскую кооперацию на Демократическом совещании в Петрограде, а затем был избран на Всероссийском кооперативном съезде в Москве в Предпарламент. Вернувшись после Октябрьского переворота в Ново-Николаевск, он принял активное участие в сибирских кооперативных и областных съездах, направленных на подготовку антибольшевистских сил. Разгон большевиками Сибирской областной думы (28 января 1918 года по старому стилю, 9 февраля по новому) и установление советской власти в Сибири вынудили Сазонова уйти в подполье, где, пользуясь своими связями в кооперативных кругах, он изыскивал средства на содержание тайных антибольшевистских организаций. После свержения большевиков в Ново-Николаевске в конце мая 1918 года Сазонов переселился в Омск, где был избран председателем Совета всесибирских кооперативных съездов. В отличие от некоторых сибиряков-областников, Сазонов поддерживал адмирала Колчака и даже назвал его «русским Вашингтоном». Скончался Сазонов в Шанхае в марте 1927 года от рака желудка. Мне было всего три с половиной года, когда умер Сазонов, но я помню его похороны.

В архиве моего отца, хранящемся в Калифорнии в Гуверовском институте войны, революции и мира, имеются личные документы Сазонова, его переписка с рядом политических и общественных деятелей и две его рукописи — «Автономная Сибирь» и «Что такое большевизм?» По свидетельству И.А. Якушева, моего отца и других его единомышленников, Сазонов был убеждённым народником и демократом, до конца жизни веровавшим в человека и в возможность устройства жизни на началах равенства и свободы. Примером областнического кредо Сазонова может служить его речь, произнесённая в Народном собрании Приморья в 1921 году. В своём сообщении Сазонов прежде

всего подчеркнул, что освобождать Россию от большевизма надо своими руками. Помощь нужна, признал он, но помощь материальная, а не штыковая. Затем, подняв вопрос о государственном устройстве России, он сказал, что будущая свободная Россия представляется ему в виде федеративной республики, составленной из отдельных самостоятельных и автономных в своих местных делах областей, которые будут образовываться по признакам территориальным и национальным. Он также отметил, что прототипом будущего строительства Российской государственности должны быть Соединённые Штаты Америки. Далее он указал, что в борьбе за освобождение России прежде всего следует освободить Сибирь, потому что Сибирь обладает необходимыми ресурсами и её население не так забито, как в Европейской России. Заявив, что Сибири предстоит огромная задача вынести на своих плечах возрождение всей России, он выдвинул лозунг: «Через свободную Федеративную Сибирь к освобождению и восстановлению свободной независимой России». Но для достижения этой цели, пояснил Сазонов, Сибири необходимо сначала накопить мощь моральную и материальную. Он отметил также, что примирения сибирских областников с советской властью быть не может, потому что советская власть стремится к централизации и диктатуре пролетариата, а областники стремятся к децентрализации и народовластию.

После провала антиколчаковского вооружённого выступления во Владивостоке 17 ноября 1919 года от областничества отошли два активных его участника, А.А. Краковецкий и Н.С. Калашников. Краковецкий перешёл на постоянную службу к большевикам, что, однако, не спасло его от расстрела в 1937 году, а Калашников, после недолгого сотрудничества с большевиками, отверг советский режим и эмигрировал в США в 1923-м. Другой руководящий участник выступления 17 ноября 1919 года, И.А. Якушев, эмигрировал с семьёй в Чехословакию в 1921 году. Но в том же 1921-м, как бы на место Краковецкого, Калашникова и Якушева, во Владивосток приехали два видных областника: бывший министр иностранных дел омского сибирского правительства Мстислав Петрович Головачёв и упомянутый выше А.В. Сазонов.

Сотрудничество моего отца с Сазоновым и Головачёвым выразилось в их совместном участии в Совете уполномоченных организаций автономной Сибири (СОУАС). Отец вступил в СОУАС по поручению Союза автономной Сибири, в котором он состоял со времени его основания в 1917 году. В пояснительной записке о СОУАСе отец пишет,

что цель его создания заключалась в том, чтобы сохранить активные политические силы Сибири в состоянии готовности на случай поражения Колчака. Он также указывает, что СОУАС по своему характеру и составу «был фактически прямым политическим преемником первого сибирского правительства и Сибирской областной думы, будучи вызванным к жизни теми же политическими и общественными элементами, как эти два первых национальных института Сибири» [1. Коробка 2. Папка 37. С. 1]. Помимо ряда членов первого сибирского правительства и Сибирской областной думы, в создании СОУАСа приняли участие представители земств, городских самоуправлений, кооперативных обществ, политических организаций, групп национальных меньшинств и туземного населения Сибири. СОУАС начал работать в 1919 году, но определённой организационной формы достиг лишь к концу 1920 года. Его первым председателем был избран А.В. Сазонов, а членами президиума – И.А. Якушев, М.П. Головачёв, В.И. Моравский и А.А. Трутнев.

Катастрофическое развитие событий в Сибири в 1919 – начале 1920 годов подтвердило опасения СОУАСа о нежизнеспособности правительства адмирала Колчака. Оно пало в январе 1920 года, и большевики вновь захватили Сибирь за исключением её дальневосточной окраины, где борьба с ними продолжалась ещё два с лишним года. Перед самым падением своего правительства адмирал Колчак особым указом, подписанным им 4 января 1920 года в Нижнеудинске, передал всероссийскую верховную власть генерал-лейтенанту А.И. Деникину, главнокомандующему всеми вооружёнными силами на юге России. Тем же указом Колчак уполномочил генерал-лейтенанта атамана Г.М. Семёнова, главнокомандующего вооружёнными силами Дальневосточного и Иркутского военных округов, возглавить военную и гражданскую власть на российской восточной окраине.

Несмотря на указ адмирала Колчака, Семёнов не сумел создать правительство и удержаться в Приморье. Вместо этого он стал искать союзников в стремлении объединить антибольшевистские силы под своим началом. Искал союзников и СОУАС, пытавшийся воссоздать сибирское правительство. Для достижения этой цели, писал областник Головачёв, «единственная возможность виделась через передачу атаманом Семёновым областнической организации прав, которые он получил от Колчака» [11. С. 27]. Ввиду этого переговоры между СОУАСом и Семёновым начались осенью 1921 года и привели к подписанию ими договора в китайском городе Тяньцзине 7 февраля 1922-го. В перего-

ворах участвовали со стороны СОУАСа А.В. Сазонов, М.П. Головачёв и В.И. Моравский, а со стороны Семёнова — сам атаман и А.В. Балакин. Договор состоял из восьми статей, и, хотя в нём говорилось о будущем вводе Семёнова в состав правительства, он был явно направлен в пользу СОУАСа. Так, по этому соглашению обе стороны признавали, что СОУАС является Сибирским правительством и что они обязуются «поддерживать в Сибири только идею сибирской власти», то есть областническую позицию вместо колчаковской всероссийской власти. Соглашение также определяло господствующую роль СОУАСа в отношениях с атаманом Семёновым такими словами: «...атаман Семёнов с момента подписания настоящего договора отказывается от ведения иностранных сношений как лично, так и через посредство своих представителей без ведома и согласия СУОАС...» [11. С. 30]. А согласно пятой статье соглашения все принадлежащие атаману Семёнову права на всякого рода имущество и денежные средства перешли к СОУАСу.

Но соглашение СОУАСа с Семёновым ни к чему конкретному не привело, а власть в Приморье перешла в июне 1922 года в руки генерала М.К. Дитерихса, который был избран на заседании Приамурского земского собора правителем Приамурского государственного объединения, объявившего себя конституционной монархией.

Несмотря на приход к власти Дитерихса, СОУАС продолжал действовать. После подписания соглашения с Семёновым в Тяньцзине Сазонов и Головачёв вернулись во Владивосток, а мой отец остался в Тяньцзине для работы в Китае и во Владивосток больше не возвращался. Семёнов же выехал в Шанхай, собираясь попасть во Францию, что ему не удалось.

Агитационная работа областников в период правления генерала Дитерихса проявилась, в частности, в активизации издававшейся во Владивостоке еженедельной прообластнической газеты «Последние известия». Издателем газеты был Приморский областной крестьянский союз, занимавшийся поставками продовольствия в армию. К весне 1921 года руководители этого союза приблизились идеологически к областникам, и со своего восьмого номера «Последние известия» стали выходить под областническим лозунгом «Через свободную Сибирь к возрождению великой России». Редактором газеты был георгиевский кавалер, поэт, журналист и областник Алексей Алексеевич Грызов.

Хочу остановиться на личности А.А. Грызова не только из-за его военно-публицистической деятельности во время Гражданской войны,

но и его общественно-просветительской работы в эмиграции, в Харбине. Коренной сибиряк, Грызлов, пользовавшийся литературным псевдонимом Алексей Ачаир, родился в 1896 году в Омске. Учился он в омском Первом сибирском кадетском корпусе и в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии. С 1919 по 1921 год был на военной службе, принимая активное участие в боевых действиях против большевиков, и отморозил ступню правой ноги. В феврале 1922 года он был уволен в отставку и, как уже упоминалось, редактировал в феврале—октябре 1922-го газету «Последние известия». Перед самым захватом Владивостока Народно-революционной армией Дальневосточной республики (ДВР) Грызлов-Ачаир, как и несколько тысяч других русских, был вынужден эмигрировать в Харбин. С 1923 по 1945 год он занимался педагогической деятельностью, будучи секретарём гимназии ХСМЛ (Христианского союза молодых людей) и в то же время руководил молодёжной организацией скаутского типа «Костровые братья». Хочется в связи с этим упомянуть, что в бытность мою скаутом, сначала в Шанхае, а потом в беженском лагере на филиппинском острове Тубабао, я часто пел со своими товарищами популярную у русских скаутов-дальневосточников и написанную Грызловым-Ачаиром песню «На востоке заря». Большим литературно-общественным вкладом Грызлова-Ачаира в жизнь российской колонии Дальнего Востока было создание им в Харбине в 1926 году литературного объединения «Молодая Чураевка», многие члены которого переселились в Шанхай в 1930-х годах, где продолжали свою работу. Грызлов-Ачаир сотрудничал в харбинских газетах «Наша заря», «Русский голос», «Копейка» и в еженедельнике «Рубеж». Кроме того, он был председателем издательской комиссии общества кадет в Харбине, членом харбинского объединения бывших кадет Первого сибирского кадетского корпуса и Сибирской казачьей станицы. Он также состоял членом Общества сибиряков в Чехословацкой республике, в журнале которого «Вольная Сибирь» печатались его стихи. В 1945 году его вывезли из Харбина в СССР и репрессировали. После освобождения, в 1956-м, он занимался педагогической деятельностью в Новосибирске, где и умер в 1960 году. Грызлов-Ачаир был реабилитирован посмертно [11. С. 229; 12. С. 30—40].

Возвращаясь к осени 1922 года во Владивостоке, хочу напомнить, что во время правления генерала Дитерихса редактируемая Грызловым-Ачаиром газета «Последние известия» продолжала пропагандировать идеи сибирского областничества. В числе публикуемых газетой мате-

риалов была программа Союза сибиряков областников-федералистов, напечатанная 11 сентября. Высказываясь в этой программе в пользу децентрализации власти, сибиряки областники-федералисты утверждали, что самым жизненным началом в российской истории является областной и национальный элемент, проявившийся в земских соборах XVII века, в областных, народных и инородческих бунтах в течение всего XVIII и начала XIX веков и в междоусобных конфликтах XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

Включительно по главу «Разгон большевиками Сибирской областной думы...» текст печатался в сб.: Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания. Томск: Сибирика, 2003. С. 176–206. Дальнейшее публикуется впервые.

1. Hoover Institution Archives (Stanford, California, USA). Valerian Ivanovich Moravskii Collection. Outcard Number 5116-8: *Моравский В.И.* General D.L. Horvath (пер. с англ. Н.В. Моравского) // Коробка 2. Папка 9; *Моравский В.И.* The Council of Plenipotentiary Representatives of Organizations of Autonomous Siberia (СПРОАС) (пер. с англ. Н.В. Моравского) // Коробка 2. Папка 37; *Якушев Иван.* Народам Сибири: Грамота председателя Сибирской Областной Думы // Коробка 3. Папка 7; *Моравский В.И.* Сибирские областные съезды; Временный Сибирский Областной совет // Коробка 10. Папка 43; *Моравский В.И.* General Graves (пер. с англ. Н.В. Моравского) // Коробка 11. Папка 9; *Моравский В.И.* 1917 год; 1918 год // Коробка 12. Папка 247.

2. *Серебренников И.И.* Об автономии Сибири. Иркутск, 1917.

3. Вольная Сибирь (Прага): *Якушев И.А.* Февральская революция и сибирские областные съезды (К истории областного движения в Сибири) // № 2. 1927; *Якушев И.А.* Очерки областного движения в Сибири // № 3–7. 1928–1929; *Якушев И.А.* Комитет содействия созыву Земского собора // № 6–7. 1929. Прил.: Сибирский архив.

4. *Bunyan James.* Intervention, Civil War and Communism in Russia. April – December 1918: Documents and Materials. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1939.

5. *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997.

6. Вечер (Владивосток). – Выписки из этой газеты сделала и прислала мне в августе 2004 года жена моего племянника Любовь Антоновна Моравская, проживающая во Владивостоке.

7. *Fleming Peter.* The Fate of Admiral Kolchak. NY: Harcourt, Brace and World, Inc., 1963. S. 171.

-
8. *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: Исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М.: Центрполиграф, 2002. С. 512–513.
  9. «Русские люди!» Листовка Братства русской правды. Б.д. С. 1.
  10. *Graves William S.* America's Siberian Adventure 1918–1920. NY.: Jonathan Cape, Harrison Smith, 1931. Эта книга была издана в СССР в русском переводе в 1932 году под названием «Американская авантюра в Сибири». Этот перевод, однако, искажает смысл англоязычного оригинала, потому что английское слово «adventure» не носит такого отрицательного смысла, как русское слово «авантюра». Слово «adventure» означает, в основном, приключение. Я решил назвать книгу «Американские действия в Сибири, 1918–1920 годы», потому что, по-моему, это заглавие точнее отражает её содержание.
  11. *Аблажей Н.Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Биографические справки см.: С. 221–259.
  12. *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиограф. словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000.
  13. *Чертков Г.И.* Шестьдесят лет тому назад. Оставление российского Приморья. — Машинопись.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Аблажей Н.Н. 99
Александр III 9
Александров В.И. 19, 71
Анненков Б.В. 78
Антонов В.Г. 14
Араки С. 13, 14, 35–38
- Балакин А.В. 96
Башкиров А.И. 8
Болдырев В.Г. 14
Большенко Н.И. 62
Бухарев В.А. 74
- Вашингтон Дж. 93
Вегман В.Д. 80
Виноградов В.А. 91
Вишневский Е.К. 11, 63
Войтенко И. 66
Волков В.И. 84
Вологодский П.В. 66, 77
Востротин С.В. 74
- Гайда Р. 82, 85–90
Гамов И.М. 78
Гитлер А. 52
Головачёв М.П. 44, 92, 94–96
Граве В.В. 12, 28–30
Грей М. 47
Грейвс У.С. 14, 32–35, 91, 98, 99
Грибанов Н.И. 62
Гришин-Алмазов А.Н. 78, 79, 82, 84
Громов, чиновник мин. продовольствия 10
Грызов-Ачаир А.А. 91, 96, 97
Гудков Н.П. 62
Гуревич В.Я. 84
- Деникин А.И. 95
Дербер П.Я. 21, 59, 63, 66, 70, 72, 74
- Дзержинский Ф.Э. 10, 13, 56
Дитерихс М.К. 91, 96, 97
Дю Пак де Марсully, адвокат 37
- Ермеков А.А. 59
- Жернаков Н.Е. 66, 74
- Завинский К.А. 10, 63
Захаров Е.В. 19–21, 59, 63, 66
Зиневич А.К. 90
Знаменский С.Ф. 91
Зубарев И.И. 79
- Иванов-Мартынов, секретарь Сиб. обл. думы 66
Иванов-Ринов П.П. 84
Инукай Ц. 14, 35
Иоанн Шанхайский 52, 53
- Калашников Н.С. 79, 83, 85–87, 89, 94
Калмыков И.П. 85, 90
Кириенко И.И. 86
Козловский А.П. 20
Колесов Г.Г. 62
Колобов М.А. 66
Колчак А.В. 3, 4, 11, 13, 26, 27, 30–33, 44, 45, 59, 71, 83–91, 93–96, 98, 99
Комура Д. 39
Кондратьев Н.Д. 8, 10
Короленко В.Г. 50
Коротков, член воен. орг. Врем. правительства автономной Сибири 79
Косьминский Б.А. 84, 85, 88
Кравец М.Я. 92
Краковецкий А.А. 11, 66, 74, 78, 88, 90, 91, 94

¹ Косвенные упоминания даны курсивом.

- Кроль Л.А. 91, 92
 Крутовский В.М. 66, 77, 84
 Кудашев Н.А. 12
 Кудо И. 41–43
 Кудрявцев С.А. 62, 66, 74
 Курский О.М. 17, 74
 Кэрби Ф.К. 30, 31
- Лазебник-Лазбенко, тов. пред. Сиб. обл. думы 66
 Линдберг М.Я. 79
 Логиновский К.Д. 62
- Макса П. 82
 Малахов, член Алт. совета крест. деп. 66
 Манабе, адвокат 35
 Маннергейм К.Г. 3
 Марков Б.Д. 79
 Масарик Т.Г. 81
 Мацудайра У. 14
 Мелихов Г.В. 75, 98
 Меркулов С.Д. 14
 Милюков П.Н. 7, 13, 56
 Михайлов И.А. 66, 77
 Михайлов П.Я. 79
 Моравская Е.С. 48, 49, 53, 54
 Моравская Л.А. 98
 Морозов К.И. 17
 Моррис Р. 33
- Нагнибеда В.Я. 62
 Нацвалов Н.Г. 13
 Негрескул М.Э. 88
 Неометулов Г.Ш. 62, 66, 74
 Никашими, ген. 13
 Николай Николаевич, вел. кн. 25
 Никонов С.П. 62, 66
 Новомбергский Н.Я. 62
 Новосёлов А.Е. 14, 59, 66, 74, 83, 84, 86
- Оорококов А.М. 74
 Окунев, член Врем. Сиб. обл. совета 62
 ОРайлли Э. 30–32
- Орлов Н.В. 27
 Остен-Сакен, чиновник мин. продовольствия 8
- Павловский М.Н. 84, 85, 88, 91, 92
 Патушинский Г.Б. 59, 66, 77
 Пепеляев А.Н. 79, 83
 Перетц Г.Г. 8, 13
 Петров А. 74
 Пишон, полк. 11, 13
 Плотников И.Ф. 99
 Помяловский Н.Г. 53
 Прокопович С.Н. 8
 Попов, кооператор 85
 Попов Г.К. 71
 Потанин Г.Н. 59, 64, 68, 72, 77, 80, 81
 Пу И 41, 42
 Путилов А.И. 22, 30, 71, 74
- Ракин А. 79
 Ринчино Э.-Д. 66
 Розанов С.Н. 90
 Романовский С.С. 66
 Рузвельт Ф.Д. 51
 Русанов А.Н. 18
- Сазонов А.В. 6, 18, 44, 91–96
 Саниев Ю.И. 62
 Семёнов Г.М. 13, 14, 45, 78, 80, 85, 95, 96
 Серебренников И.И. 57, 66, 98
 Сидоров В.О. 79, 88
 Смитт, инженер 13
 Сотников А.А. 62
 Сталь А.Ф. 70
 Степанов-Иванов А.С. 84
 Стивенс, инженер 13
 Строкан В.А. 62
 Сулим Д.Г. 66
 Сумароков Н.Н. 79
- Танака Г. 14, 39
 Тарасов И. 74
 Таскин С.А. 74

- Тибер-Петров В.Т. 62, 66, 74
Токмашев Г.М. 62
Тояма М. 4, 38–41
Троцкий Л.Д. 90
Трубачев И. 62
Трутнев А.А. 44, 74, 95
- Устругов Л.А. 18, 21, 66, 70, 72, 74
- Федорович Ф.Ф. 85
Флеминг П. 90, 98
Флуг В.Е. 74, 78
Фомин Н.В. 86
Френсис Д. 13
- Харченко И. 79
Хисамутдинов А.А. 99
Хорват Д.Л. 13, 18–28, 30, 69–77,
98
- Чермак К. 82
- Чертков Г.И. 99
Чжэн Сюэсюй 41–43
Чудилин, полк. 79
Чуковский К.И. 7, 56
Чурин И.Я. 49
- Шатилов М.Б. 59, 66, 77, 84
Шингарёв А.И. 7
Шкундин Э.Н. 66
- Элерц-Усов А.В. 78
Эллиот Ч. 30
Эльтеков, дипл. агент 13
- Юдин И.С. 66
- Якушев И.А. 44, 62, 66, 76, 77,
80, 82, 84–89, 91, 93–95, 98
Янугай см. Инукай Ц.
- Вунуан J. 98

Н а у ч н о е   и з д а н и е

Валериан Иванович Моравский, Никита Валерианович Моравский

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Редактор *А.И. Пишеничникова*

Оригинал-макет *А.М. Мороз*

Лицензия ИД 04617 от 24.04.2001 г. Подписано в печать 10.03.2006 г.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Печ. л. 6,5; усл. печ. л. 6,3; уч.-изд. л. 6. Тираж 300 экз. Заказ

ОАО "Издательство ТГУ", 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Типография "Иван Федоров", 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1